

Издательство «Астрель»
представляет книги:
Зотов

АД&РАЙ

АПОКАЛИПСИС WELCOME

МОСКАУ

РЕСПУБЛИКА НОЧЬ

СТРАШНЫЙ СУД 3D.
Апокалипсис Welcome: Книга вторая

ЭЛЕМЕНТ КРОВИ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
388

Подписано в печать 2012 г. Формат 84 x 108 1/32.
Бумага Усл. печ. л. Тираж экз. Заказ №

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Оформление обложки —

Зотов Г.А.
388 Москва: [роман]/ Зотов. — М.: Астрель, 2012. — [ ] с.

ISBN 978-5-271-42843-2

АНН...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Г.А. Зотов, 2012
© ООО «Издательство Астрель», 2012

Литературно-художественное издание

ЗОТОВ

МОСКАУ

Роман

Зав. редакцией *М.С. Сергеева*
Ответственный редактор *М.Г. Мельникова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка

Издание подготовлено при участии ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы «АСТ»
Обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21 (7 этаж).
Тел.: 615-01-01, 232-17-16

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОВЕЛИТЕЛЬ ГНОМОВ

О ты – Вальгалла, где пируют боги

Открой ворота мне, раскинь свои дороги.

Желаю в зал войти, где мертвецы сидят,

В боях погибшие – мой меч в руке зажат...

Manowar, «Gates of Valhalla»

Пролог

– Неужели вы думаете – всё ЭТО существует на самом деле?

Она улыбается – не во весь рот, а чуть-чуть, показывая белые зубки, словно собирается укусить. Глаза блестят, тонкие пальцы стиснули ножку бокала. Женщины обожают спорить. Не ради истины, а из чистого упрямства: поскольку никогда не признают себя проигравшими. Бьюсь об заклад – в такие моменты, как этот, она даже возбуждается.

Я выдерживаю театральную паузу: притворяюсь, что своим вопросом она застала меня врасплох. Чёрная штора с печатями в виде рун колыхается от струек воздуха из кондиционера. Мёртвая тишина. Плотно закрытые окна не пропускают стоны машин, застрявших в пробках. Огоньки свечей мерцают в полумраке, как глаза волков.

Мое жилище легко принять за логово охотника – куда не кинь взгляд, на стенах прикреплены витые рога туров и побелевшие черепа оленей. Стол, за которым мы ужинаем, стоит на медвежьей шкуре – нарочито грубой выделки. В центре гостиной – валун, привезенный из болот Норвегии. Шикарная вещь, цельный гранит.

– Само собой, – спокойно отвечаю я. – У меня в этом нет ни малейших сомнений.

Она отпивает из бокала красное вино. Её щеки розовеют. Скоро начнётся атака.

– Ну, хорошо... отчасти я могу согласиться. Допустим, на месте нашей планеты и вправду зияла лишь чёрная бездна Гинунгагап, разделяющая царства льда и огня. Царства тысячелетиями ползли друг к другу и, наконец, соединились – произведя на свет мускулистого гиганта Имира и корову Аудумла. Дальнейшее для меня спорно, но... и в это я способна поверить. Капли пота Имира сотворили первых людей – мужчину и женщину, одна нога гиганта совокупилась с другой и зачала сына... так на Землепосреди ночи и гроз возникли ледяные великаны. Нет, я над вами не смеюсь. Если историки до сих пор ведут бесконечные споры о Великой Битве... кто возьмет на себя ответственность утверждать, что случилось миллион лет назад? Откуда появилось человечество? Вышло из океана, упало с небес или выползло из подземелий? Мы можем только догадываться.

Она ставит бокал на место. Кокетливо поправляет пушистую прядь.

– Но в остальном... о, простите меня, я учиню детальный допрос. Давайте разберём всё по косточкам. Итак, в небесах парит страна Асгард, где обитают боги. Это в порядке вещей – все народы помещают своих богов повыше: штаб-квартира христианства тоже среди облаков, греческие божества населяли гору Олимп, а бог Шани у индуистов – и вовсе олицетворение планеты Сатурн. Боги просто обязаны витать высоко – если они будут жить с нами, то через неделю сойдут с ума. Включаем воображение и видим воочию одно из зданий в Асгарде – прославленную Вальгаллу. Банкетный зал Одина, зал для вечного пиршества, обжорства и секса – мёртвые солдаты еженощно пожирают мясо вепря Сехримнира, упиваясь мёдом из сосцов козы Хейдрун. После ужина покойников ублажают прекрасные девы. Пятьсот сорок дверей, крыша из золочёных щитов, подпираемая колоннадой из копий. Спору нет – для одичавшего во фьордах, немытого средневекового викинга это вполне обыденная картина рая. Но для нас, живущих в циничный век *эфунков* и всемирной сети Сёгунэ? Смотрящих

телевизор в 3D-очках? Мы не можем и шага сделать без техники – не в силах оторвать зад от дивана... и управленец, на чьей совести изобретение пультов, сделал на этом состояние. Разве рай викингов предназначен для современного человека? Нет. Лично вы – верите в Вальгаллу?

Я отрезаю себе кусочек свинины. Аккуратно жую. Пшеничное пиво в бокале ласкает взгляд, по стеклу ползет капелька... Я не пью вина – непатриотично. Она? Ну что ж, ей можно. По сравнению с тем, что она УЖЕ совершила, это, в принципе, полная ерунда.

– Я скорее верю в Вальгаллу, чем в библейский рай, – сахарным голосом отвечаю я: в тот самый момент, когда девушка начинает терять терпение. – Она куда логичней. Любой человек в рейхскомиссариате, от старухи до младенца, имеет воинское звание, и это оправданно. Ведь войти в чертоги Вальгаллы может только эйнхерия – воин, павший в открытом бою, с мечом в руке. Не скрою, такие правила порой приводят к странным вещам. Кондукторы в автобусах, и те считаются подразделением, со своими званиями. Заведующий пекарней приобретает чин «унтер-офицера хлебобулочных изделий» и особые чёрные петлицы с колосками. Гинекологов и вовсе объединили в зондеркоманду: на их гербе изображена обнажённая валькирия, раскрывающая ладонями своё сердце...

– Вот этого я никогда не понимала, – прерывает меня она. – Почему именно сердце?

– А что же, по-вашему, ей нужно раскрыть? – кротко отвечаю я.

Она мгновенно пунцовеет. Притворяется, что увлечена вином.

– Попасть в рай хотят все – это условие земного бытия. – Я промокаю губы салфеткой. – Веди себя хорошо тут, и тебе воздастся ТАМ. Вальгалла упрощает этот вариант. Не нужно соблюдать пост, молиться – достаточно лишь убивать и умереть на поле битвы. Это точка зрения не только викингов, но и мусульман. Вас смущает конкретно коза Хейдрун? Ну, ей необязательно там быть. Я допускаю, если угодно, модификацию Вальгаллы. В современном варианте она может быть переоборудована хоть в суши-бар.

Она резко, одним глотком осушает бокал. Блеск в глазах тускнеет.

– Но фюрер не в Вальгалле! – чеканит девушка. – Если он и есть где-то – то в аду.

Я неторопливо обмакиваю мясо в сладкую горчицу. Возжу кусочек по тарелке.

– Ад – это наша жизнь, – поясняю я, сопровождая слова вежливой улыбкой. – И вы вырветесь из этого ада, только если умрёте. Следуя логике жрецов, фюрер наслаждается отбивными из вепря Сехримнира. Да, я в курсе – он не умер с мечом в руке. Но какая разница? На данный момент фюрер является торговой маркой, а не вождём нации. Его изображения на мобильных телефонах, зажигалках, презервативах – это чистая коммерция. Сейчас никто не сложит голову за фюрера. За японские иены - пожалуйста, в крайнем случае, за рейхсмарки. Увы, офисный планктон не попадёт в Вальгаллу...

Я отдаю должное *вурстсалату* – славному созданию из колбасы, картошки и пары капелек майонеза. Нарастает ощущение, что в нашем ужине есть нечто извращённое, даже неприличное. Но мне оно нравится. Ей, пожалуй, тоже. Фюрер? С ним не всё так просто, это признают даже умудрённые годами жрецы, прошедшие практику в пещерах Норвегии. Вождь умер 20 октября 1942 года – в разгар парада на площади Нибелунгов, годовщины победоносного вступления армии в столицу Руссланда. Партизан-одиночка на грузовике, доверху набитом взрывчаткой, врезался в трибуну у Кремеля. Вместо меча фюрер держал в руках стопку бумаг: произносил пламенную речь. Верхушка рейха сгорела в огне взрыва за секунду – от них и молекулы единой не осталось. В компании с фюрером экспрессом в Вальгаллу отправились Гиммлер, Борман, Мюллер, Геббельс, Геринг. Я помню, как в Высшей школе жрецов один наивный блондинчик спросил: «А разве канцеляристы, вроде рейхсляйтера Бормана, попадают на пир к богу Одину?». Парня сразу отчислили, без объяснений. Потом в киоске сосисками торговал.

– Без веры в Вальгаллу я не стал бы жрецом Одина, – продолжаю я, глядя ей в глаза. – Духовность сейчас не в моде. Проще выпускать те же зажигалки с портретом фюрера – их отлично раскупают японские туристы. Или уйти работать в Институт поиска арийских корней, это популярно среди девушек вашего возраста – на пять лет уезжаешь отшельником в Тибет, занимаешься раскопками у горы Кайлас, отыскивая следы стоянок первых арийцев. Лепешки из ячменной муки, чай с маслом яка – и небывалое просветление. Но я искренне верю в ритуалы викингов – и не только потому, что это официальная религия рейха. Побывайте в Трондхейме, он впечатляет не меньше, чем Иерусалим. И не станем придирааться к козе – у христианства ещё больше ляпов.

Она молчит, смотрит в сторону. Обиделась. Вот и веди беседу со *шварцкопфами*: переубедить их просто невозможно. Возразить нечего – так сразу надувает губы. Девушка берет проклятый ею же пульт и, бесцельно щёлкнув кнопкой, включает телевизор.

Рекламный блок. Когда не включи, обязательно попадешь на рекламу.

– Только ноутбуки «Сони» докажут тебе, что ты истинный ариец, – щебечет с экрана соблазнительная блондинка в кимоно. – Грузятся лишь после анализа ДНК пользователя. Оснащены операционной системой «Сакура» – на русском языке. Конничи-ва...

В рейхе, к сожалению, хорошо умеют делать только сосиски и ракеты. Всё остальное у нас – японское. Электроника, кухонные плиты, даже авторучки. Влияние Ниппон коку таково, что у фролайн в чести пластические операции на веках – под азиатский разрез глаз. Японская еда исключительно популярна. К колбаскам с пивом – и то подают васаби. В уличной рекламе на порядок больше иероглифов, чем готического шрифта. Рейх плавно поглощает тэнкоку* – и не удивлюсь, если фюрера мы в итоге станем называть микадо**.

---

* Империя (японск.). – *Здесь и далее примеч. автора.*

** Император (японск.)

Я чувствую, что пора нарушить взаимное молчание.

– Вам пора отдохнуть. – Салфетка мягко ложится на стол. – Давайте, я провожу.

Мы идем в спальню. Чёрные тона, обои с изображением скрещенных топоров. Дизайнер вдохновлялся средневековой пещерой викингов – ну что ж, затея удалась. Вет даже некоторым подобием сырости – но это, скорее, заслуга кондиционера. Девушке тут не нравится, я знаю... *Шварцкопфы* не ценят стиль. Сожалею – выбора у неё нет. Широкая двуспальная кровать. Я тактично отворачиваюсь, пока она скидывает платье и переодевается в пижаму. Ей хочется, чтобы я обернулся: но у меня имеется выдержка.

– Спокойной ночи, – обезличенным тоном шепчет она, скользнув под одеяло.

– И вам того же, – говорю я, и пристегиваю её запястье наручниками – к спинке кровати.

Она не реагирует. Ресницы опущены.

– Сами понимаете, – грустно вздыхаю я. – Это исключительно для вашего блага.

Я тихо закрываю дверь – на ключ, кладу его в карман. В спальне светится глазок камеры. Пусть меня и нет рядом – я вижу всё, что делает пленница. Нет, мастурбация тут ни при чём. Когда такое происходит, я сразу выключаю монитор: вы и представить не можете, что способна вытворять женщина одной свободной рукой, – и слушаю стоны в динамиках. Зачастую мне кажется – она делает это не столько для своего удовольствия, сколько из желания соблазнить меня. Кто из женщин откажется переспать со священником – даже если это и языческий жрец? На первых порах, когда ещё не зажили две раны на плече, девушка пыталась освободиться, но лишь

ободрала наручниками запястье. Теперь всё нормально, хотя и расслабляться тоже не стоит. Завернулась в одеяло – кажется, спит.

Отлично, а то у меня ужасно кружится голова.

На то, чтобы раскалить углями поверхность валуна из Норвегии, уходит четверть часа. Горячо и жарко – чувствуешь себя поваром на кухне. Я беру нож – сталь приятно холодит руку. Провожу по ладони... кровь капает на гранит, шипя и пузырясь. Руны покрываются бурыми разводами. Ноздри, вздрагивая, обоняют запах – тяжёлый, как на бойне.

... В голову приходит боль. Кожу колет электрическими разрядами. В глазах – белые всполохи. Я что-то вижу – и не могу понять, что. Какие-то жуткие очертания.

Нормально. Такое у меня бывает. Через пару минут всё пройдет.

Глава 1. Город Соси

(воздушное пространство, Руссланд)

...Павлу решительно нечем было себя занять. Скука смертная. Старенький пассажирский «Юнкерс» авиакомпании «ЛюфтШтерн», выполнявший рейс из Гонконга в Москвау, был набит под завязку и трясся, как трамвай. Потёртые кресла эконом-класса, ненавистный запах разогретой в микроволновке еды, стюардессы с улыбками мучениц, с трудом передвигающиеся на опухших от долгих перелётов ногах. Всё, как всегда в командировке. Он полистал журнал, послушал музыку в наушниках... Как же тяжело бездельничать десять часов! Уснуть не получалось – сиденье было жёстким и неудобным.

С местом ему вообще ужасно не повезло.

Он оказался посередине. Слева (у окошка) и справа кресла заняли японцы. Старичок и старушка. Оба – в idiotских панамах, в коих жители Ниппона бегают по всему миру, цветастых рубашках и штанах. Чем-то

напоминали домашних собачек – бестолковых и слюнявых. И, конечно же, с камерами. Даже в туалете фотографировались. Дедушка-японец рассеянно развернул рекламный проспект, сквозь очки вглядываясь в лозунг:

ПОСЕТИТЕ ОЗЕРО БАЙКАЛ – ЖЕМЧУЖИНУ РЕЙХА!

Туристическая коммерция в Москау за последние пару лет скукожилась вдвое – как и рейхсмарка по сравнению с иеной. Вся надежда – только на поездки японцев. А где комиссариату ещё взять денег? От промышленности остались рожки да ножки. Санкт-Петербург (может, тогда уж – Петербург? если на немецкий лад. Или Петерштадт...) летом наводняют группы из Ниппон коку – да-да, в этих придурочных панاماх. Экскурсоводы с ног сбиваются, таская их от памятника фюреру работы Сальвадора Дали до Петергофа и ярмарок, где можно купить пасхальное яйцо со свастикой. И мало кого интересует: по плану «Барбаросса» от 22 июля 1940 года Питер собирались сравнить с землёй – даже, говорят, инструкция подробная существовала. Да что там Питер – Москау, согласно тому же плану, думали превратить в водохранилище. Любопытно, откуда взялись столь дикие фантазии? Вряд ли кто признает, но ощущение, будто половина окружения фюрера в те времена плотно сидела на ЛСД.

Японец перелистнул страницу. Море и пальмы. Девушка в купальнике держит коктейль.

– Гомэн кудасай*, – обратился он к Павлу, ощерив рот. – Вы гаварита руссландски?

---

*Извините за беспокойство (*японск.*).

В другой момент Павел притворился бы, что не понял вопрос. Но лететь до Москау ещё прилично. Какая разница, если судьба заперла тебя в

узком пространстве среди облаков с двумя идиотами. В этой ситуации и они – дар божий, чтобы скоротать время.

– Конничи-ва, добрый сенсэй, – улыбнулся он. – Чем могу быть вам полезен?

Дедушка ткнул ногтем в девушку на картинке, попав прямо в силиконовый бюст.

– Парастите, – произнес японец, ужасно коверкая язык. – Мы с женой будем в Москау два дыня. А патом хатим на море. Никаки не могу выбирать курорт. Город Соси хорось?

Самолет провалился в воздушную яму. Пассажиры вцепились в подлокотники. «Соси?! – мысленно рассмеялся Павел. – Сказал, как отрезал. Сейчас я ему устрою».

Он нажал кнопку на подлокотнике слева, плавно отъезжая назад.

– Положа руку на сердце, Сочи сложно рекомендовать, – с каменным лицом заявил Павел, поглядывая на японца. – Рейхскомиссариат Кавказ, эти земли наиболее пострадали от Двдцатилетней Войны. Обслуживание никакое, гостиницы переделаны из казарм, в море попадаются плавучие мины. Похищения туристов – не редкость, абреки часто спускаются с гор в долину, устраивают засады на шоссе, подрывают канатные дороги. И кстати, еда неоправданно дорогая. Даже кукуруза, что продают на пляжах бывшие легионеры тюркских подразделений СС, обойдётся вам, сенсэй, в добрую сотню рейхсмарок.

Японец закивал. Чувствовалось, понимает далеко не всё. Павел не пытался перейти на немецкий – по его опыту, узкоглазые сыны Ниппон коку редко владеют хохдойчем.

Он искоса бросил взгляд на проспект. Лазурное море, пальмы, бокалы с коктейлями и хохочущая девушка в смелом купальнике «пенемюнде». Определённо, фотомонтаж.

...Павел вновь почувствовал запах гари. Увидел мёртвые города. Чёрные остовы домов. И дым, стелящийся над реками, полными трупов. Да... он отлично помнит – как это было...

К лету 1984 года, когда флаги рейха были водружены над укреплениями на Урале, среди джунглей Южной Африки и Латинской Америки, в правящей элите Великогермании произошел раскол. Никто не хотел уступать. СС желали контролировать нефтяные вышки, вермахт стремился к алмазным шахтам, а гестапо претендовало на урановые рудники. Любой историк расхохочется от банальности – империю всегда губят деньги и роскошь. Орды Чингисхана добрались от степей Китая к костёлам Польши, но держава монголов развалилась на части. Если воин нагружен золотом, как осёл, зачем ему идти в бой? Он грезит о вине и женских ласках. Военная элита рейха мутировала в финансовую олигархию. В делёж мировых ресурсов включились все: даже военно-морские силы во главе с трясущимся стариком Деницем в инвалидной коляске. Во время Двдцатилетней Войны чудом (наверное, кто-то хорошо помолился Тору) не дошло до ядерных ударов – ведь рейх ещё в 1944 году испытал на острове Пенемюнде свою первую бомбу. Но, увы, авианалёты серьезно повредили корпуса атомных электростанций. В воздухе до сих пор полно радиации, а дозиметр – такой же элемент кабинетного декора, как кондиционер...

– Скажите, а в Соси хорошая рыбарка? – не унимался старик-японец.

Павел не услышал его – не из-за рёва турбин. Он погрузился в воспоминания.

Двдцатилетняя Война раскатала в блин каждый рейхскомиссариат – и Ост, и Украину, и Кавказ, и Туркестан. Отдельным городам повезло – они не пострадали, однако в Москау, Киеве и Минске развернулись тяжёлые бои. Рейх пожирал себя изнутри – а в это время Ниппон коку богатела, выдавая займы воюющим сторонам. Каков итог? Экономика империи мертва, только Москау держится на плаву – на Кавказе же, говорят, как в старину, туземцы меняют шкурки рысей на коровье масло. Зато Япония распухла, подобно

тесту на дрожжах, – небоскрёбы с неоновой рекламой штыками пронзили небо, и не только в Токио, но и в Шанхае, в Маниле, Сиднее. По условиям *раздела*, Ниппон владеет половиной мира – Китаем, Австралией, откусила от США Аляску, Сиэтл и Неваду, заняла русландские Сибирь и Дальний Восток. Нефть, золото, газ – в карманах у желтопузиков, лихо они подсуетились. В семидесятые годы японский император Хирохито особым указом подарил рейху озеро Байкал... потом жалел, наверное. Девушки Москау по горло укутались в кимоно, в телевизорах – сплошные манга и аниме. Вот оно – ползучее порабощение планеты без танков и самолётов, одной лишь невидимой силой моды. Теперь Ниппон трескается от денег, а рейх ничего не производит, кроме оружия.

Но кому продать оружие, если мир УЖЕ завоёван?

– Рыбалка? – очнулся Павел. – Рыбы полно, дорогой сенсэй. Бурлит, окаянная, просто из воды выпрыгивает. Совет – лучше рыбачьте не с удочкой, а с пулемётом. Смотрели телевизор? На прошлой неделе акула-мутант напала на катер возле Адлера, было много жертв. Есть и крабы-убийцы... радиация повлияла на них слишком сильно.

Японцы озабоченно зашушукались, шурша панамами. Простецкий народ, обоих совсем не волнует, что разговор приходится вести через соседа. Даже не догадались поменяться с ним местами. Он смотрел на их морщинистые лица – словно два шарпея обнюхивают друг друга. Да. Что тут поделаешь – раса господ.

– Аригато годзаимас*, – выдавил из себя старик. – Гаспадина, вы нам осень помогри.

---

* Большое спасибо (*японск.*).

Его жена радостно закивала. Похоже, она не могла взять в толк смысл беседы. Чихнув, японка полезла в сумочку – видимо, за платком. Долго

бренчала внутри, напряжённо улыбаясь, но так ничего и не достала. Муж, зажав рот ладонью, зашелся сухим кашлем.

Старческие болести. Будут жрать таблетки. Пора *ауфвидерзенькаться*.

– Всегда пожалуйста, – вздохнул Павел. – Прошу прощения, мне нужно выйти.

Он прошёл по коридору между креслами. Чувство, что сидишь внутри огромной пчелы, – в голове жужжит, в уши кто-то напихал ваты. Кабинка туалета эконом-класса – уютная, как гроб. Интересно, как в порнофильмах тут занимаются сексом? В такой клетушке и морским свинкам не трахнуть. Кран брызнул стружкой горячей воды, Павел ополоснул опухшее от бессонницы лицо. Взглянул в зеркало, скривился. Не лучший вариант. С другой стороны, как же ещё выглядеть в сорок лет, если ты живёшь на работе, а конторе жаль денег, чтобы её специалист летел с комфортом? Впалые щеки, залысины по бокам черепа, нос ястребиный, крючком... глаза и вовсе прозрачные, будто холодец. Павел не так уж плохо помнил свою внешность в раннем детстве. Красавцем не был уже тогда, а если вспомнить рост... Ладно, после фюрера маленьким быть модно. Сойдёт.

Вытащив из кармана одноразовую бритву, Павел тщательно побрился.

Он вернулся на свое место. Самолёт шел на снижение, к горлу подкатил вязкий комок тошноты. Японцев в креслах не было, куда-то убежали. «Господа, пристегните ремни, через полчаса наш самолет совершит посадку. Погода хорошая, плюс тридцать пять градусов, радиационный фон, согласно сводке радио, нормальный – при выходе в город защитные маски не понадобятся», – разнёсся по салону металлический голос стюардессы. Павел не смотрел в иллюминатор: однотипные пейзажи давно приелись.

У трапа его встречали. Два человека – несмотря на жару, в серых плащах.

– Приветствую вас в Москау, штурмбаннфюрер, – щёлкнул каблуками первый.

Второй молча протянул руку к чемодану Павла. Тот не возражал.

– Ещё раз приносим извинения, что пришлось вызвать вас из Гонконга (Хонконга?), – продолжил первый. – Полагаю, перелёт долгий? Вам следует отоспаться, едем в гостиницу.

– Нет, – покачал головой Павел. – Высплюсь ночью. Давайте уж сразу в гестапо.

... Пожилая, крашеная в блондинку стюардесса с орлом (эмблемой «ЛюфтШтерна») на берете вытянулась по стойке смирно, глядя, как троица садится в представительский «опель-адмирал». Она подавила в себе желание вскинуть руку в партийном приветствии – «зиг хайль» был отменен после окончания Двадцатилетней Войны. Как и сама партия.

Глава 2. Отель «Сакура»

(офис на шестом этаже, через 3 часа)

...с некоторой горечью:

– Я крайне разочарован вами, Итиро-сан.

– Я сам разочарован собой, Онода-сан. Позвольте, я напишу на эту тему стихи, а потом совершу обряд сеппуку. Я взрежу себе живот крайне аккуратно, и не запачкаю пол. Я специально принес непромокаемый плащ и шесть метров целлофана.

– А мне потом сжигать ваш труп по частям в камине гостиницы? Нет, спасибо. Насколько известно, и вам, и вашей жене было выплачено два миллиона иен за особый заказ. Императорская комендатура Гонконга устроила, чтобы вы сели на борт «Юнкерса» без досмотра. Нет, я уже слышал ваши оправдания. Но вряд ли их захотят слушать другие.

– *(тяжелый вздох)* Я понимаю вас. Чем это может мне грозить?

– Всем, вообще-то. Деньги, которые вы положили в «Микадо-банк», заморожены. И ваша семья их не получит, пока задание не выполнено.

Приношу вам извинения, любезный Итиро-сан, но... сколько примерно вам осталось до встречи с Аматаэрасу*?

---

* Богиня Солнца в японской мифологии, повелительница загробного мира.

– (*пауза*) Как указывают врачи – около недели. Благодарю за ваше внимание.

– (*шипение потушенной в пепельнице сигареты*) Тогда я с прискорбием констатирую: у вас есть ровно семь дней, чтобы завершить миссию. В любом случае, похороны за счёт государства. Из чистого уважения к вашим прошлым заслугам, дорогой Итиро-сан.

– Я не заслуживаю даже пылинки уважения, Онода-сан.

– Прекрасно, так попробуйте его вернуть, заодно со своими деньгами. Это единственный способ обеспечить достойную жизнь ваших детей. На эту неделю я предоставлю вам всё необходимое, в том числе и рейхсмарки. Не такая стойкая валюта, как иена, но... зато вы можете расплачиваться этими фантиками по Европе – как в Москау, так и в рейхскомиссариатах Норвегия, Украина и Нидерланды. Только в Италии рейхсмарку не берут. Предпочитают свои замурзанные лиры... Итальянцы – опереточная нация: они паразитируют на былой славе легионов Цезаря, хотя на деле с трудом покорили босяков из Абиссинии... им следует не воевать, а танцевать тарантеллу. И эти еженедельные телешоу «Алло, дуче!». Романо Муссолини столь же эксцентричен, как и его отец – синьору за восемьдесят, а ведёт себя, словно студент. Игра на саксофоне в пьяном виде на собрании держав Судзигу-коку**, роман с одряхлевшей Софи Лорен... и смех, и грех. Снимайте квартиру посуточно, в гостиницах полно агентов гестапо. Вам ведь известно, что здешняя империя - довольно рыхлая структура? Это не единое государство, а своеобразный союз враждующих рейхскомиссариатов, даже

столица у них «плавающая». В прошлом году был Амстердам, а вот сейчас – Москау.

** *Ось (японск.)* – этим термином принято называть союз Рим-Берлин-Токио: военный блок Италии, Третьего рейха и Японской империи с 1940 г.

– Благодарю, Онода-сан. Алмазы ваших мыслей обогащают бедность моего разума.

– *(щелчок зажигалки)* Клянусь микадо, вам будет нелегко. Да, вы немножко владеете руссландским, изучали в рамках профессии... но теория и практика – это всегда две разные вещи. Руссландцы – специфическая нация. Они ксенофобы, и одновременно обожают всё иностранное, особенно если сделана правильная реклама. Например, вы знаете, в Москау популярна японская еда. Мы произвели фурор за какие-то десять лет.

– *(кашель)* Примите мое восхищение, Онода-сан. Меня всегда удивляло, что Третий рейх повально ест суши, считает национальной японской едой, да и вообще здоровой пищей. Если это заслуги отдела рекламы при дворе микадо, то им следует поставить памятник. Подумать только, превратить японский корм для кошек в местную гламурную закуску..

– Да, благодаря этому Ниппон коку не знает проблем со сбытом обрезков сырой рыбы. В остальном – всё то же самое. Вы обратили внимание на количество блондинов в Москау?

– *(пауза)* Действительно. Всюду только светлые или рыжие головы. Ни единого брюнета.

– *(назидательно)* Вот именно. Итиро-сан, в Москау модно быть арийцем. Первоначально, в соответствии с доктриной фюрера, немцы считали жителей Руссланда неполноценной нацией, как они выражались, унтерменшами, то есть недочеловеками. Но ближе к сентябрю 1945 года генералы в руководстве рейха поняли, что им не одолеть партизан, посему

возобладало другое мнение. Скрепя сердце, русландцев признали арийским народом и стали вербовать в СС. Более того – расовый отдел в Берлине официально подтвердил арийское происхождение почти всех славян, включая болгар, – кроме поляков. А женщины Руссланда с этой минуты стали получать алименты на детей, рождённых от немецких солдат*. Прошло больше полувека, европейские нации перемешались, словно в кипящем котле, – теперь, Итиро-сан, и не поймёшь, какая у кого кровь. Но арийцы тут обязаны красить волосы в светлые тона. Я бы сказал, это даже не мода – а неизбежность.

---

* В марте 1943 года комендант оккупированного немцами г. Орёл генерал Адольф Гаман издал этот малоизвестный приказ – «о выплате алиментов женщинам, имеющим детей от солдат вермахта». Причина же признания славян арийцами, и их вербовка в дивизии СС прозаична – Германии требовалось срочное пополнение на фронте после потерь в Сталинграде.

– (с удивлением) Брюнетов совсем не осталось, высокочтимый Онода-сан?

– Почему же, их достаточно. Но чаще всего они носят парики, либо бреются налысо. Если вышел на улицу с природной шевелюрой, значит, ты *шварцкопф*, «черноголовый» – так здесь на жаргоне называют противников режима. Я упоминал, что Руссланд – весьма специфическая местность. Впитывает любую иностранную муть, как губка. И в той же степени сопротивляется пришельцам из-за границы. Партизанское движение не слабеет все годы существования рейхскомиссариата Москау. Целые области на Урале, под Петербургом, возле Екатеринодара контролируют партизаны, а в лес давным-давно не съездишь на пикник. И в самой столице действует

подполье. Два месяца назад посреди бела дня на улице убили обер-коменданта города, группенфюрера фон Травинского.

– (*вновь кашель*) Сумасбродство. Бессмысленный фанатизм.

– (*снисходительно*) Нет, всего лишь местные традиции. Знаете, у руссландцев масса привычек, доставшихся им от монголов. Взятничество, восточная негa, почтение к начальству, принятие на работу сородичей. И при всей схожести – они два века подряд сопротивлялись монгольскому владычеству, устраивали бесконечные восстания – пока в Золотой Орде не плюнули и не оставили их в покое. Связь руссландцев с немцами куда глубже, чем вы думаете. Ими правили кайзерины немецкой крови – Катарина Первая и Катарина Вторая – лучшая королева в истории Руссланда. Каждый кайзер, начиная с Петера Первого, женился на немецкой принцессе. Первая династия руссландских кайзеров – Рюриковичи, из датских князей. Потом были монголы. Далее – немцы. После прихода большевиков – семиты. Затем – грузины. Опять немцы. По сути, здесь всегда правит иноземная власть – и всегда будут те, кто ее ненавидит. И власти Руссланда, и *шварцкопфы* так увлеклись, что не замечают: вермахт ушёл, а они воюют сами с собой...

– (*с подобострастием*) Моя благодарность, Онода-сан. Очень познавательно.

– О, не стоит, Итиро-сан. Жаль, что вас заждалась Аматаэрасу, и не будет времени прочувствовать Руссланд. Я работаю здесь уже десять лет, насмотрелся всякого. Даже в Урадзиосутоку и Хабаросито, благоденствующих под скипетром микадо, где местным жителям поменяли имена на японские, они всё равно пьют самогон вместо сакэ.

– (*с дрожью в голосе*) Чудовищно...

– Это я вам ещё всего не поведал, мой приятный гость. Нет желающих учить иероглифы. Кимоно и гэта носят только женщины. Опрятные садики из камней никто не разбивает – предпочитают огороды, чтобы растить там вульгарные огурцы. Прижились лишь якитори, да автомобили с правым рулём – вот за них в Урадзиосутоку готовы грудью стоять. Я всецело

разделаю установку великого микадо – для главенства нашей империи в мире необходимы природные ресурсы. Однако в такие моменты мне кажется, что лучше бы наши приобретения ограничились второй половиной острова Карафуто.

– Я всецело разделяю ваше мнение, любезный Онода-сан.

– (*шелест купюр*) Мы заговорились, уважаемый Итиро-сан. Берите рейхсмарки. Адрес я вам тоже напишу. В первом же киоске купите дозиметр и кислородную маску. Гонконгское оборудование при вас? Отлично. Будьте осторожнее, это нужно применять наверняка.

– (*с беспокойством*) Простите, но не могли бы вы выдать мне пистолет?

– Незачем, Итиро-сан. Стрелять в него ни в коем случае нельзя...

Глава 3. Храм Одина

(улица Арийская, д. 46 – напротив комендатуры)

Машину пришлось оставить на дальней стоянке. У меня спецпропуск, но ничего не поделаешь – автомобили ставить у стен нельзя, комендатура упивается паранойей, везде грезятся новые теракты. Получаю талончик из жёсткого картона, иду через турникет – в будке со шлагбаумом сидит тучный пожилой очкарик в коричневой форме с нашивками обер-ефрейтора. Чуть высунув язык, изучает свежий выпуск «Фёлькишер Беобахтер» – с глянцевыми иллюстрациями полуголых девиц. Кризис, что поделаешь. Партийной прессе пришлось перейти на формат таблоида, чтобы выжить в жёстких условиях рынка. Я стучу в стекло будки. Мы знакомы не первый год.

– Хайлюшки, – фамильярно бурчит он мне, перелистывая страницу.

– Хайлюшки, – отвечаю я ему, приветливо махнув.

Арийская улица, протянувшаяся от Берлинского вокзала к рейхстагу, изучена мной вдоль и поперек, – я могу пройти её с закрытыми глазами. У тротуаров, огороженные столбиками, навечно замерли скелеты танков – напоминание об уличных боях Двадцатилетней Войны. Штук пять обугленных «тигров» сгрудились напротив сквера Героев Люфтваффе, как стадо слонов с поникшими хоботами. Офисы из стекла и бетона соприкасаются с гнилью разбитых бомбами домов. По слухам, во времена большевиков здесь стоял памятник Пушкину. Пушкина давно демонтировали – как со сквера, так и из школьной программы: он же негр. Министерство народного просвещения и пропаганды вообще здорово постаралось. Запретили исполнять произведения Чайковского – композитор подозревался в гомосексуализме, сняли с показа «Свинарку и пастуха» – чабана играл семит. В центре сквера – огромные чёрные дыры с оплавленными краями, это пепелища. По выходным на Арийской горами сжигают запрещённые книги – те, что конфисковывают у *шварцкопфов*, как когда-то на Опернплац в Берлине. Корчась в огне, сгорают Герберт Уэллс, Владимир Маяковский, Ярослав Гашек. Когда я был юным активистом фюрерюгенда, принёс сюда и бросил в книжный костер «Трёх мушкетёров» из школьной библиотеки – этот томик прятала уборщица. Но Дюма – не ариец, писатель с негритянской кровью. Вы знаете, с каким треском горит бумага? Будто рвётся сердце.

На месте Пушкина установили памятник Ницше.

Поначалу его путали с Горьким (тоже запрещённый писатель) – спасибо густым усам. Фюрер обожал книгу «Так говорил Заратустра», но ему не были ведомы слова Ницше: «Германия великая нация лишь потому, что в жилах её народа течет столь много польской крови». Впрочем, это домыслы троллей из сети Сёгунэ, а они чего только не напишут.

Государственные здания на Арийской - унылое зрелище. Большинство копируют мрачные комплексы в Берлине. Пожалуйста, аппарат Министерства народного просвещения и пропаганды Москау – полностью в формате экс-ведомства доктора Геббельса. Серые колонны и цветная

мозаика: белозубая арийская молодёжь рукоплещет национал-социализму. Обжигающий ветер треплет флаги рейхскомиссариата, алые знамёна с чёрным орлом, зажавшим в когтях дубовый венок. Без свастики – значки с её символом остались только у торговцев сувенирами на *Вагнерке*, пешеходной зоне имени композитора Рихарда Вагнера. Die Hakenkreuzflagge* отменён после Двдцатилетней Войны: фюрер почитаем, но не все рейхкомиссариаты довольны его наследием. Особенно те, где не стихают восстания «лесных братьев». Неподалёку обветшавший офис Трудового фронта. Когда-то эту организацию профсоюзов возглавлял Роберт Лей. Рейхсляйтера убили партизаны, в 1968 году, во время его поездки в Киев, – подослали почтового голубя с мини-гранатой.

---

* Крюковый крест. – термин для обозначения свастики в Третьем рейхе (нем.).

Жуткий скрежет тормозов. Совсем рядом.

– Эй, куда ты смотришь, твою мать? Ой... жрец... простите, пожалуйста.

Уставившись на окна в здании Трудового фронта, я нечаянно вступил на проезжую часть и едва не попал под колеса зелёной «мазды». Забавное у машины имя – всегда хочется переконвертировать в мат, заменив пару букв, – ну, как в слове «холуй». Машины в Москау в большинстве своем японские, а «мерседес», «опель» и «фольксваген» используются только для представительских нужд – их больше невыгодно производить. Даже автобусы у нас – и те «Мицубиси». Про велосипеды из Токио я вообще молчу.

– Ничего, аллес ин орднунг**, – благодушно улыбаюсь я водителю.

** Всё в порядке (нем.).

Блин, и ведь сам не заметил, как сорвалось. *Германизмы* мы употребляем автоматически. Уже никто не скажет «паспорт», пробубнит – «аусвайс». Руссландцы нутром впитывают иностранные слова, я – не исключение. Хотя думаю на местном языке.

Вытираю лоб. Солнце просто жарит.

Жрецам Одина приходится нелегко. На жертвоприношение надо приходиться в форменной одежде: кольчуга, меховые сапоги, на плечах волчья шкура, на поясе – ритуальный меч в пять килограммов, это вам не хухры-мухры. Убыстрить шаг не получится, но я и так почти у цели. Миную суши-пивнушку «Хачи», что в переводе значит «палочки». Всё-всё, ступаю на порог храма Одина. Откровенно говоря, от места работы я не в восторге. Чересчур громоздкое здание, в форме средневековой пещеры, с центральным гротом и ответвлениями-туннелями. Хотя и комфортное – внутри бьёт горячий ключ: очень удобно отмывать от крови мечи. У входа скульптурная композиция – бог Тюр вкладывает руку в пасть волку, чудовищному Фенриру. В 1947 году древнегерманская мифология была объявлена главной религией Третьего рейха: согласно завещанию рейхсфюрера Гимmlера***. Церкви и соборы, разумеется, не тронули, – верующим дозволено молиться, если захотят. Однако, что сейчас обеспечивает популярность? Правильно – РЕКЛАМА. На раскрутку новых идей были брошены миллиарды рейхсмарок, телевидение, радио, ведущие актёры кино, включая тогдашнюю звезду Марику Рёкк и публично покаявшуюся Марлен Дитрих. Это принесло плоды – всего через десять лет половина рейха отинула прежнюю веру и понесла дары на алтари богов Великогермании. Сенсация? Нет. История человечества показывает, что люди чрезвычайно легко отказываются от религиозных убеждений – надо просто грамотно организовать рекламные акции. Христианство навязло в зубах за две тысячи лет, а новая версия

старой религии («римейк», как говорят в Калифорнийской Республике) пришлось кстати. Апокалипсис с четырьмя всадниками – нудная скукота, поглощение солнца волком Фенриром – свежо и оригинально. Почему религия не должна быть прикольной?

*** В реальном мире, 1943-ом году рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер составил план по введению в Германии в качестве государственной религии скандинавскую мифологию. План предусматривал строительство храмов викингов и казнь папы Римского. Однако так и не решился предложить этот план Гитлеру.

Открываю дверь магнитным ключом. Вваливаюсь в вестибюль, обливаясь потом, тяжело дыша. Внутри – никого, только жалобно блеет чёрный жертвенный козел. Разумеется – все мои прислужники взяли отпуск. Это же Руссланд, летом тут поедут на дачу даже в атомную войну. Над алтарем вывешена памятка в виде топора. Я выучил её наизусть:

Понедельник – День Луны

Вторник – День Тюра

Среда – День Одина

Четверг – День Тора

Пятница – День Фрейи

Суббота – День Сатурна

Воскресенье – День Солнца

Граждане Москау не особо пунктуальны, и дни недели называют по старинке. Но опытному жрецу, прошедшему практику в Норвегии и Тибете, ошибиться непрослительно. Я подхожу к козлу. Тот ведет себя, само собой, как настоящий козёл – плохо пахнет и пытается боднуть. Его скоро зарежут,

и он имеет право меня не любить. Список дел – в ящичке у алтаря, – повергает в ужас. Как я всё успею? Первым же пунктом идут похороны. Это не то, что раньше – помахал кадилом, отпел и закопал. Покойников мало погрузить на одноразовые фанерные лодки фирмы «Мицубиси» и сжечь на Москау-реке. В обязанность жрецов входит также... стрижка умершим ногтей. Да-да. Когда наступит Рагнарёк, конец света, недра земли извергнут зловещий корабль Нагльфар, склеенный из ногтей мертвецов. Океан скует страшный холод, и это судно, скользя по морскому льду, повезет на последнюю битву армию великанов-йотунов. Чтобы не случилось Рагнарёка, надо обрезать покойникам ногти, тогда Нагльфар и не сформируется. Ножницы на месте: делов-то – обработаем, подстрижём...

Вы думаете, никто в такое не верит?

Шварцкопфы – да. Они вообще либо православные, либо коммунисты, либо язычники. А остальные... едва человек обретает новую веру, он становится ревностен донельзя. Докатились, бабушки у подъездов уже сплетничают: богиня Ангбода родила детей от Локки или все-таки от Тора?

Я подхожу изваянию повелителя гномов, Рюбецаля. Сгорбленный маленький старичок с огромной бородой, лесной дух... Не забыть бы положить к его ступням связку грибов.

Голову вновь пронзает боль – сверкающей иглой.

Стискаваю зубы. Сжимаю пальцами морду козла на алтаре. Боги всемогущие...

Туман перед глазами не рассеивается. Я хрипло дышу. Рот наполнился кровью.

Пространство поглощает тьма. Рюбецаль рассыпается мелкими звёздами...

Видение № 1. Чёрные небеса

Жуткий свист ветра. Он ледяной – забирается под одежду, хватается пальцами скелета за горло, сковывает движения. Ресницы смёрзлись. Шмыгаю носом, боюсь открыть рот. Ветер уже не просто свистит – он воет, словно смертельно раненое животное... и от этого становится ещё холоднее. Пробираюсь сквозь сумрак – ни одного фонаря, крошечную тьму прореживают вспышки автоматных очередей. Из-под снега торчат скрюченные руки. Увязая в сугробах по колено, шатаюсь, по городу бредут люди. Нет, не люди – тени. В грязных шинелях, заеденные вшами, потерявшие человеческий облик. Их обмороженные щеки замотаны бабьими платками, голенища сапог забиты тряпьем. Они ищут тепла у костров, кутаясь в связки одеял. Сумасшествие. Сворачиваю за угол разрушенного дома. Группа солдат копошится возледохлой лошади – они в полубезумии от голода. Один подполз к голове и грызёт мёрзлое лошадиное ухо. На небе – ни звёздочки. Оно чёрное, слилось с землей в одно пространство. Ни единого целого дома. Только развалины, стены, как будто объеденные зубами неведомого чудовища.

Земля дрожит, и безумцы со ртами, полными конины, скопом бросаются в снег. Бомбардировщики. Их вой смешивается со свистом ветра, превращаясь в симфонию Апокалипсиса. Тьму разрывают на части оранжевые всполохи. Смерть.

Здесь всюду смерть.

Каждый знает ответ на вопрос: что они начнут есть, когда падут все лошади и будут выловлены все кошки. Друг друга. Тепло и еда – то, за чем здесь охотятся люди в лохмотьях. За банку тушёнки отдают золотой перстень. Но кто его возьмёт?

...Столбы с колючей проволокой. На ней гроздьями висят смёрзшиеся трупы. Тела никто не хоронит – их СЛИШКОМ много, и живые привыкли к соседству с мертвецами. Снарядные гильзы среди обломков кирпичей. В белых танках живы экипажи, но кончился

бензин... Они лишь ворочают пушками, не в состоянии тронуться с места. Как погибающие мамонты, сломавшие себе ноги.

Я вижу, как солдат в безумии рвёт на груди шинель и кричит на обер-лейтенанта. Он молод и в стельку пьян, обер-лейтенант старше, лицо заросло щетиной, на лбу повязка с пятном засохшей крови. Шрам на правой щеке – полумесяцем, от осколка.

– Зачем нас прислали сюда?! – заходится воплем солдат. – Мы все тут передохнем!

Спирт – вот это всегда в изобилии. Иначе бы ни одной войны не состоялось. Всем страшно, когда идешь на смерть. А выпивка растворяет ужас. Пусть и ненадолго.

Он швыряет автомат под ноги обер-лейтенанту. Лицо искажено гримасой:

– Это не моя земля. Отпустите! Я хочу уйти!

Обер-лейтенант качает головой. В голубых глазах отражается только падающий снег. Солдат валится в сугроб. Барахтается. Ползёт – в *другую* сторону. Офицер вынимает правую руку из кармана шинели. Смешно – на нее натянута дамская вязаная митенка, открывающая пальцы. Мизинец и указательный почернели – явно отморожены. Стискивает рукоять восьмизарядного «вальтера». Целится – сквозь метель, что-то бормочет, стиснув зубы. Солдат уже дополз до бруствера.

Выстрел.

Солдат опрокидывается на спину, каска слетает с головы. Светлые волосы в крови. В ту же секунду звучит другой выстрел – тяжёлый, винтовочный, откуда-то издалека. Снайпер. Офицер обнаружил себя вспышкой, враг выстрелил наугад.

Обер-лейтенант падает на колени, уронив «вальтер», и ложится набок – мягко, словно собирается поспать. Вьюга в считанные секунды заносит свежие трупы снегом. Удивительно. Мгновение назад два человека были живы, а сейчас их нет. Каждый, кто идёт на войну,

думает, что его не убьют. И, наверное, никаких бы войн в истории не было, если бы ты знал – убьют тебя. Да-да – **ИМЕННО ТЕБЯ.**

Новая армада бомбардировщиков пикирует вниз. Взрывы. Взрывы. Взрывы.

Я тру снегом щёки, и они не чувствуют холода. Похоже, у меня обморожение.

Я отлично знаю, почему вижу всё. Мёртвые города. Трупы. Ледяные пустыни.

ПРОСТО ОНА ЗАСТАВЛЯЕТ МЕНЯ ЭТО ВИДЕТЬ.

Глава 4. Раздражитель

(кинотеатр «Кайзер», улица Революции 1923 года)

Гость сел на соседнее кресло, по левую руку – согласно договорённости. Поёрзав, примостил на коленях поднос с жареной кукурузой и парой бумажных стаканов с надписью «кока-кола» – её популярность не смогло убить даже полное поражение Соединённых Штатов в войне с Японией. Не поворачивая головы, человек шепнул:

– Зд-дравствуй...

– Привет, – ответил Павел. – Спасибо, что пришёл. Выпьем за нашу встречу?

Человек усмехнулся, оглядев тёмный зал. Они сидели на последнем ряду – что называется, «места для поцелуев». Народу было немного, да и сеанс ещё не начался, показывали рекламные ролики. Как обычно, японские – йогурт «Годзилла». Кондиционеры не работали – запах пыли мешался с запахом влажных тел зрителей.

– Т-тебе ш-напс?

– Ой, умоляю. Достаточно того, что придурки вокруг пьют кофе вместо чая, словно это сделает их немцами. Плесни перцовочки – я знаю, у тебя всегда есть заправка.

Человек ощерил рот в ухмылке. Отставив поднос на соседнее кресло, полез за отворот пиджака, нащупывая флягу. Павел поймал себя на мысли – похоже, в первый раз видит давнего знакомца в гражданском. Оберштурмфюрер научного отдела гестапо, Жан-Пьер Карасик не вылезал из темно-синего халата. Правда, одежда учёного ему не подходила. Огромного роста, с бритой головой и руками молотобойца, он скорее напоминал монстра из фильмов-комиксов студии Universum Film. Ну, а кто ещё мог появиться на свет от связи офицера французской дивизии СС «Шарлемань» и украинской крестьянки? Только такая атомная смесь. «И не раз ему в кино // Говорили: – сядьте на пол, // Вам, товарищ, всё равно», – вспомнил Павел стишок про дядю Стёпу: в школе расписанный каракулями листочек читали под партами, пока не видит учитель, – и помирали со смеху. С приходом немцев поэму запретили, а автор скрылся за Уралом. Правда, сейчас Министерство народного просвещения и пропаганды выпустило новую версию книжки, изменив герою имя – на дядю Шварца. Мясник из Австрии Арнольд Шварценеггер, снявшись в трёх фильмах культового режиссера Лени Рифеншталь (включая и «Триумф воли: продолжение»), стал бешено популярен. Согласно опросам, 70 процентов людей мечтали увидеть его новым фюрером. Книга «Дядя Шварц» с ходу стала лидером продаж.

Павел глотнул из услужливо протянутого стакана. Перцовка обожгла нёбо.

– Ш-што ты х-хочешь спросить? – склонился над флягой Жан-Пьер. – В-вообще, я удивлен. Т-тебя в-выдернули из Г-гонк-конга, толком нич-чего н-не объяснив. Ст-транно.

Павел выждал несколько секунд. Освещение в зале погасло, начался фильм.

– Ты лучше представь, как мне странно, – спокойно заметил он. – У меня была отличная сделка, я собирался на встречу с оябуном местной группировки якудза*. И в момент, когда я собираюсь звонить связному, на *эфунк* приходит распоряжение, а через минуту на почту – билет эконом-класса до Москау. Что делать? Взял такси, поехал во флюгхафен**. На данный момент, я знаю следующее: мне в гестапо покажут некий рисунок. Даже не фото, а именно рисунок. Изображение человека. Мне вообще не соизволили сказать, мужчина это или женщина. Так вот – я должен срочно найти того, кто на рисунке.

---

* Якудза – японская мафия, оябун – фигура, соответствующая «вору в законе».

**Аэропорт (*нем.*).

Прервавшись, Павел сделал большой глоток.

– Скажу честно: более идиотского задания я в жизни не получал. Но платят ТАКИЕ деньги, что можно положить в карман Луну. Или Солнце, или Землю... с этой суммой не проблема. И самое главное, если выполню задание, меня обещали больше никогда не беспокоить. Хочешь посмеяться? Рисунка я пока так и не увидел – жду доступ. Я давно не был в рейхе, а бюрократия с тех пор стала ещё хуже. Гестапо попросту вязнет в бумагах. Скоро придется заполнять специальный формуляр, если захочешь помыться в душе.

Жан-Пьер выдохнул, отпив из стакана. Мрачно похрустел кукурузой.

– Т-ты сам поним-маешь, этого разг-говора не б-было.

– Об чём речь, – согласился Павел. – Я тебя в глаза не видел, и знать не знаю. В эти кресла легко воткнуть микрофон, и тут по факту может быть прослушка... но вряд ли за нами тщательно следят. Прости, но я уверен – руководство гестапо так же, как и я, путается в догадках относительно личности на рисунке. Если уж распоряжение отдал Триумвират...

– Три... триумв-вират посвятили с-совсем недавно, – заметил Жан-Пьер. – А в наш отдел прик-каз на и... и... исследов-вание поступил в поза-апрошлом г-году от Уп-правления имп-перской б-безопасности. Тогд-да были с-самые п-первые случаи. Но м-месяц наз-зад под Новгород-дом т-тайно пров-вели эксперим-мент. З-знаешь, ч-то там произ-зошло? Т-три человека попали в м-ментальный специзолят-тор... Один п-росто исчез у в-всех на г-глазах, как исп-парился. Я думал – в-вот он, к-кошмар. Но п-поверь мне – эт-то еще цв-веточ-чки.

Он помолчал, и «ахнул» всю перцовку разом – до дна.

– Ох, только это и помогает, – произнес Жан-Пьер чистым, спокойным голосом без тени заикания. – Сколько раз за последние годы был у логопеда, всё без толку. Но не могу же я, извини меня, на работе четыре раза в день по стакану водки выпивать?

– Почему? – искренне удивился Павел. – Ах, ну да, в тебе же ещё французская кровь...

Оберштурмфюрер пропустил подколку мимо ушей. Они были дружны достаточно, чтобы позволять себе некоторые фамильярности, – со времён жизни в Берлине, когда оба приняли участие в секретном «Проекте МГ». С тех самых пор Карасик и заикается...

Стереодинамики кинозала терзали уши бравурной музыкой.

– По моим предположениям, *раздражение* вполне могло начаться и раньше – скажем, после окончания Двдцатилетней Войны. – Жан-Пьер захрустел остатками кукурузы. – В столице об этом не знали. А комендатуры на местах... сначала не обращали внимания, потом – пытались не допустить утечек информации. Ты ведь знаешь, как в Руссланде думают: авось как-нибудь само рассосётся. Но масштаб разросся, скрывать стало опасно. Пошли тайные донесения в Управление имперской безопасности, те подключили гестапо. Создана секретная группа профессоров, началось выяснение причин. Меня привлекли на соответствующем уровне доступа. Я попросту охренел...

– Подожди, – шепотом перебил его Павел. – О каком *раздражении* ты говоришь?

– А вот это, дорогой мой, я тебе сейчас и изложу. Причём по пунктикам.

...Парочки, обжимавшиеся по креслам в темноте зала, не обращали внимания на двух алкашей, что-то распивающих на самом верху. Руководство Москау пропагандировало здоровый образ жизни, и плакаты «Ариец не пьёт по утрам» (с тем же Шварценеггером) висели в городе на каждом шагу. Правда, дело касалось крепких напитков – пиво, как национальное достояние и символ Революции 1923 года*, получило статус «арийского нектара». Курение аналогично было запрещено – патрули из «службы здоровья» СС жёстко проверяли нахт-клубы: за найденную сигарету полагался штраф в тысячу рейхсмарок. Алкоголь в восьмидесятых годах (во время Двдцатилетней Войны) тоже пытались запретить, Триумвират поначалу постановил: за продажу и употребление шнапса расстреливать. Через сутки приказ отменили – видимо, кто-то объяснил, что в этом случае придется поставить к стенке почти все население страны.

---

* Имеется в виду «Пивной путч» – попытка переворота, устроенная нацистами в 1923 году в Баварии. По поводу сигарет: Третий рейх считается первой страной, которая стала бороться с курением на государственном уровне.

На экране грохотали и лязгали танковые гусеницы.

В РейхСоюзе обожали снимать фильмы про войну. И драмы о суровых буднях, и комедии вроде «Бравый фельдфебель Фёдор», и киноэпопеи о битвах. Кассовые сборы не считали, во главу угла ставилось патриотическое воспитание. Чтобы получить из казны вагон рейхсмарок, достаточно было написать заявку в Министерство народного просвещения и пропаганды,

указать – в планах создать великое кино о Великой Битве. Счёт подобным шедеврам шел на сотни: их мало кто смотрел. В частности, фильм «Морской лев», об удачном вторжении вермахта в Британию 11 мая 1942 года и пленении Черчилля, был разбит на две части, и обошелся в 50 миллионов иен. В кинотеатры на просмотр пришло лишь пятьсот человек – режиссер, команда актёров и все их родственники. Любые ляпы в кино оправдывались – это называли «авторской точкой зрения». Если же кто-то из злобных рецензентов «Фёлькишер беобахтер» ругал шедевр, в Сёгунэ запускали слух: скорее всего, критикует не истинный ариец, а с «мишлинг»** – посему и наезжает на прелесть творца.

** Полукровка (*нем.*), термин, принятый в нацистской Германии.

Павел не отвлекался на происходящее на экране. Он слушал то, что ему говорили.

Очень внимательно слушал.

Пару раз у него дёрнулся левый уголок рта. Хорошо знающий Павла человек сразу бы понял: тот сильно удивлён. Достав платок, он механически протер бумажный стаканчик.

– Это точно? – дотронулся он до руки Жан-Пьера, прервав монолог.

Вопрос показался идиотским даже ему самому... но не спросить было нельзя.

– Точно, – спокойно кивнул Карасик. – Иначе бы тебя не позвали. Мы слишком долго выясняли источник проблем, но в итоге – засекли. Радиоэлектронная *ловушка* на месте эксперимента под Новгородом зафиксировала на экранах нечёткий красный силуэт. Выжившие путались в показаниях, но им удалось увидеть его близко, на расстоянии вытянутой руки. От неизвестного объекта исходила сильнейшая энергия, на грани радиации. Этот факт убедил наших спецов: силуэт – и есть *раздражитель*.

Вот почему Триумвират вызвал тебя для разрешения проблемы. Человек это, дух, бог – они не знают. Нужно найти корень зла. Я не хочу даже думать, что именно произойдёт, если ЭТО продлится хотя бы ещё полгода. Покажут рисунок? Здорово. Я его так и не видел, месяц жду допуск, пишу бумаги. Ты прав, гестапо помешалось на бюрократии.

Павел достал *эфунк*, сделал запись в блокноте.

– У меня натурально крыша едет, – признался он. – Скажу честно, появилась мысль: в одночасье сошло с ума всё гестапо, – а не только те трое бедняг, что угодили в специзолятор.

– Я тоже так думал в первое время, – усмехнулся Жан-Пьер. – А потом, когда увидел своими глазами... Ты даже представить не можешь. Д-да, в-в общем, л-ладно.

Заикание вернулось к нему – так же внезапно, как и исчезло.

– Допустим, – согласился Павел. – Так или иначе, я собираюсь лично пообщаться с одним из очевидцев. Мой ранг пока что такое позволяет. Рисунок – это симпатично, но я хотел бы получить описание силуэта из первых уст. Раньше, чем Триумвират и глава имперской безопасности согласуют допуск к изображению. Вернусь в гостиницу, pošлю электронное письмо в гестапо. И спать-спать-спать. Прилягу на боковую до самого утра.

– С-спасибо, что п-принял м-меры, – шепнул Жан-Пьер. – Здесь т-тебя не уз-знают.

Не прощаясь и не дожидаясь конца фильма, он встал и вышел первым – подсвечивая экраном телефона между кресел. Хлопнула дверь. Павел грустно посмотрел на часы.

... Дородная унтер-офицерша по выдаче билетов, щёлкая семечки, лениво проводила Жан-Пьера скучающим взглядом. Ничего удивительного – с эпических фильмов зрители уходят часто. Когда вышел Павел, она побледнела и поднесла руку ко рту... но ничего не смогла сказать. Неожиданно унтер-офицерше вдруг захотелось сделать то, чего она не делала вот уже много лет и совсем забыла последовательность движений.

Перекреститься.

Глава 5. Дайфуку

(переулок Гинденбурга, рядом с магазином «Берлин»)

– Вы бледны. Кожа прозрачная. Синяки под глазами. Может, один бокальчик?

Нет, благодарю покорно. Я говорил уже, вина не пью. А уж в свете дневного происшествия... Зверски болит всё тело. Как будто сначала его тщательно разобрали на винтики, а собрать отдали в дупель пьяному сантехнику. Потом, похоже, по мне проскакал табун лошадей и проехал сельский трактор. Очаровательные ощущения.

– Спасибо, – моргаю я обоими глазами. – Жрец Одина должен отмечать раз в месяц «День вегетарианства» – в память о фюрере, таковы правила. Сегодня я воздам должное капустным котлетам и минеральной воде из окрестностей прекрасного Карлсбада.

Она фыркает и показушно отрезает себе ломтик индейки. *Шварцкопфы* с глупым фанатизмом следуют кухне, соответствующей их убеждениям. Не покушаются на свинину (разве кто-то задумается, что в легионе «Идель-Урал» или в боснийской дивизии СС «Кама» служат мусульмане), не пьют пива (хоть виноградники Рейна даруют не только сок), отказываются от сочнееших сосисок – даже тех, что из телятины. А учитывая, что фюрер увлекался вегетарианством, особо упёртые *шварцкопфы* отвергают растительную пищу. Если едят салат, то только с мясом – не утонченную версию альпийского *вурстсалата*, а варварский вариант под названием «оливье», хотя логичнее было назвать его «Титаник»: овощи и курица, обняв друг друга от ужаса, тонут в море майонеза.

Глотаю минералку. Пузырьки щекочут язык. Моя гостья к ужину оделась значительно откровеннее: в фиолетовое платье, плотно облегающее

тело, без лифчика – в вырез видна почти вся грудь. Соски торчат, чуть не протыкая материю. Кондиционер же, холодно.

Бедная, наивная девочка. Ей ещё не надоело?

Шварцкопфы меряют бытие своей меркой. Им кажется, любой священник только и мечтает, чтобы переспать с женщиной, грезит об этом в липких снах, комкая в руках... ну, положим, одеяло. Особенно католик, либо православный иеромонах. *Вайделоты* – высшая каста жрецов древних викингов (так называемые «хранители легенд»), и если я пожелаю, то заведу гарем из двадцати женщин. Разумеется, только арийской расы, но всё-таки. Постановлением Совета Жрецов Москау служителям Одина, Локки и Тора разрешено жениться на натуральных блондинках – отчасти, конечно, это проблема.

Но спать-то вайделоту можно с кем угодно.

– Самые отвратительные убийцы отличаются сентиментальностью. – Она так терзает зубами индейку, словно та и есть фюрер. – Ваш кумир любил собачек, кушал вегетарианские яства, даже детей обожал... а их родителей он ненавидел. Смешно подумать: Европа управляется призраком, а власти делают вид – да, так оно и надо.

А, вот она к чему. Тут мне сложно не согласиться. После окончания Двухдцатилетней Войны рейхскомиссариаты единогласно постановили: фюрер остается верховным правителем империи, невзирая на трагическую смерть. То есть, официально он пирует с павшими эйнхериями в Вальгалле, а не пьёт кровь в подземельях богини Хель, владычицы мира мёртвых. Согласно же меморандуму Совета Жрецов, в трансе они могут связываться с Асгардом и общаться с духом фюрера, передавая его приказы. Декреты печатаются готическим шрифтом, с красивым факсимиле. Триумvirаты рейхскомиссариатов это вполне устраивает – нет никакой угрозы для личной власти, и всегда есть на кого перевести стрелки... если империей формально руководит мертвец.

– И что в этом ужасного? – отвечаю я нарочито скучным тоном, перемещая в рот кусочек капустной котлеты. – Фюрер находится в Вальгалле всего-то ничего, а вашего Христа уже две тысячи лет в глаза не видели... кроме парочки шизофреников. Не смущает? Вы же без проблем верите на слово, что именно он из облаков управляет Вселенной. Хотя документальных доказательств бытия Иешуа из Назарета нет, кроме «Иудейских древностей» Флавия. Пусть он и упомянул о смертном приговоре для Иисуса, но в летописях и в личных записках Понтия Пилата, да будет вам известно, нет ни слова о казни, не говоря уж о так называемом воскрешении. Да и можем ли мы доверять Флавию в этом щекотливом вопросе? Он ведь, не к столу сказано, семит...

Я прикусываю язык. Ой. Перестарался.

Девушка швыряет вилку на блюдо с японским десертом *дайфуку*. Звон металла о фарфор звучит погребальным колоколом. Боги великие, Один и Тор, спасите – теперь начнётся.

– Вы не задумывались – куда вдруг исчезли семиты и ромаль?!

Ах, это? Ну что ж, этого я как раз и ожидал.

– Уехали в Африку на Хрустальном поезде, – невозмутимо отвечаю я. – Как будто вы сами не знаете, об этом можно прочесть даже в учебниках начальных классов. Совершенно законная депортация, единогласно принятая рейхстагом, за неё выступили деятели культуры. Африке придан статус «самоуправляемой колонии» – чёрный континент, исключая Эфиопию, Марокко и Египет, а также Южно-Африканский Союз, окружён бетонной стеной с минными полями, обнесён колючей проволокой. Оттуда вывезены чиновники, выведены войска – африканцы предоставлены самим себе. Да, полагаю, пассажирам Хрустального поезда пришлось нелегко. В Африке нет ни Сёгунэ, ни телевидения, а улицы разрушенных городов поделены между дикими племенами... Голод, эпидемии, неизвестные науке вирусы. Но разве высылка не гуманнее, чем казнь?

Лицо девушки медленно покрывается красными пятнами.

– Их всех убили, – она чеканит слова, едва ли не по слогам. – И семитов. И ромаль. И *яой*. И наркоманов. И даже душевнобольных. Почему ни в одном рейхскомиссариате нет ни единой психиатрической больницы, а профессия психиатра сделалась подпольной, сродни занятию торговца табаком? Если человек заболел шизофренией, родственники прячут его, так повелось с сороковых годов. Иждивенцы – балласт общества, и к этому нас немцы приучили удачно. Да, сейчас шизофреников, *яой* и *юри** не убивают открыто, а депортируют в Африку через спецпункты – ворота в бетонной стене... И в чём тут отличие от смерти? Ещё живы старики, подтверждающие: функционировали лагеря, где миллионы людей испепелили в печах и отравили газом, как крыс. Вам что-то говорят слова – Аушвиц, Заксенхаузен, Бухенвальд, Дахау? Монстры, перемоловшие целые тонны костей. В Руссланде немцы сжигали деревни, расправлялись с заложниками в специальных автомобилях-«душегубках». Половина из нас была обречена на уничтожение, половина – на существование в качестве рабов для сельского хозяйства при фрицевских колонистах.

---

* Обозначение геев и лесбиянок в манге и анимэ. Ввиду популярности всего японского в Третьем рейхе, употребляется в бытовых разговорах.

– Этому нет никаких доказательств, – поспешно заявляю я. – Только слухи...

Ужин испорчен окончательно и бесповоротно. С ней это не редкость.

– Конечно, – горько усмехается она. – Теперь такие вещи – некомильфо. У нас режим диктатуры, но всем правителям хочется казаться с виду твёрдыми, а на поверку мягкими – как банан. Триумвират не признается: половину планеты фюрер собирался пустить на удобрения. Загодя, в семидесятых годах провели тотальную чистку. Документацию концлагерей, архив СС и гестапо измельчили в *натирвольфах****, печи

крематориев переоборудовали в булочные, а газовые камеры – в душевые. Когда последовательно врётся каждый год, люди начинают верить: рецепт доктора Геббельса. Исследователи-латыши из рейхскомиссариата Остланд не устают писать в «Фэлькишер беобахтер», мол, в «трудовых пунктах» заключённые получали зарплату, работали кинотеатры, бордели и даже футбольные клубы, а в итальянских концлагерях вдобавок функционировала бесплатная доставка пиццы. Поди докажи – всех бывших узников обязали свести с руки татуировку с лагерным номером. Триумвират открыл формулу успеха. Надо погрузить людей в сплошное потребление, тогда не придётся никого завоёвывать, у них атрофируется сама способность мыслить. Если бы фюрер был умнее, он вместо оккупации Руссланда построил бы там сеть кауф-хофов*** «Драккен» со стерео-кинотеатрами. Когда мозги используются только для отдыха – они превращаются в кашу.

** Бумажный волк (*нем.*) – бумагоизмельчитель в офисе.

*** Шопинг-центр (*нем.*).

Я увлечённо жую безвкусную котлету – скорее для вида. О Хель, владычица ада... Эти *шварцкопфы* такие правильные, что прямо диву даешься их тонкой душевной организации. Ну да, кауф-хофы и кино – это плохо, ибо отключают мозги. Но кабы существовал, как в 1939-1984 годах, режим военного национал-социализма, с хлебными карточками, маргарином вместо масла и сахарином вместо сахара, – думается, *шварцкопфы* первыми бы взвыли о жутком Триумвирате, морящем жителей голодом.

– Послушайте, а есть ли смысл спустя семьдесят лет тащить из шкафа ворох скелетов? – запиваю я капусту минеральной водой. – Татары тоже когда-то прошлись по Руси, как паровой каток, – разграбили города, устроили в церквях конюшни, насиловали в каждой деревне женщин... И что, кто-то в Руссланде мечтает отомстить им за геноцид, ночей не спит? А

французы? Армия Наполеона сожгла Вильно, Смоленск, Москва – и результат? Русландцы обожают культуру Франции. И пусть в Париже с сорокового года всем заправляет отдел моды СС, под бессменным руководством оберфюрера Лагерфельда и его помощника Хьюго Босса, – любая дамочка с радостью отсидит месяц в карцере гестапо за флакон французских духов. Даже если допустить совсем фантастическую версию, что Русланд победил Германию, у нас через полсотни лет царил бы мир-дружба-сосиски. Мы всегда обожаем тех, с кем воевали, но терпеть не можем ближайших соседей. Взять тот же рейхскомиссариат Туркестан. Я когда вижу их легионеров на улицах, первая мысль: «И где справедливость, эти чурки тоже арийцы?».

Девушка молчит. Она борется с желанием желудка. С одной стороны, ей страшно хочется съесть *дайфуку*. С другой – мы, как обычно на ужине, ведем политический спор.

– Русланд находится под иностранной оккупацией, – говорит она, косясь на десерт. – Этого вы ведь не будете оспаривать? У нас чужой герб, чужие законы... чужая власть.

Вот она уже обороняется, а не наступает. Была бы возможность – сейчас бы закурил, как после удачного секса. Но жрецам Одина предписано вести здоровый образ жизни.

– О, пожалуйста, – поглощаю я остатки котлеты. – В Руссланде пятьсот лет в качестве герба главенствовал греческий двуглавый орел. А два века подряд все законы были немецкие. Титулы при дворе – тоже из Германии: камергер, фрейлина, гофмейстер. Фамилии канцлеров – Остерман, Бирон, Нессельроде, Штюрмер. Значит, оккупация никогда и не прекращалась. Допустим, концлагеря существовали. И кто их охранял? В Собиборе* – украинцы. Бургомистры, и вспомогательная полиция, и журналисты, выпускавшие газеты, и священники, служившие в открытых немцами храмах, и добровольцы дивизий СС, и следователи гестапо – все были свои, из Руссланда... только надевшие немецкую форму. А наших людей только

возьми на работу к иностранцам, они лоб себе расшибут от усердия. В десяти крупных городах Руссланда сейчас стоят гарнизоны вермахта – по пятьсот человек, это не оккупанты, а игрушечные солдатики, церемониальная гвардия. Не спорю, у нас полным-полно чиновников и начальства из немцев в армии, полиции, в министерствах... Нно их и при кайзере было много. Зато руссландский бизнес скупил престижные кварталы в Берлине, а руссландский язык с 1984 года – один из языков империи. Так, простите, кто кого оккупировал?

---

* Концентрационный лагерь СС в Польше в 1942-1943 годах.

Она резко встает. Не говорит ни слова. *Дайфуку* остается нетронутым, несмотря на всю его привлекательность. Я уже знаю, что за этим последует. Сначала в ванную, чистить зубы, а потом снова в постель. Жизнь у неё скучная, но, я бы сказал, довольно-таки безопасная.

Хлопает дверь ванной. Я могу расслабиться.

...Очнувшись на полу в храме Одина, первым делом подумал: если бы я так и не вернулся, что случилось бы с ней? Утром я меняю наручники на пару прочных цепочек, чтобы она могла добраться до туалета. В её спальне – маленький холодильник со всем необходимым. Но дверь запирается на замок. Она не сможет освободиться. Стоит мне исчезнуть, и спустя месяц пленница умрёт с голоду. Да, вот этого я не предусмотрел, моя ошибка. Надо продумать установку *цайтшальтура*** на замок – может быть, на сутки. И не только это продумать. Я был в отключке два часа, требуется выяснить пару вещей.

Первое – куда пропал козёл. И второе – что же случилось со статуей Рюбецаля...

** Таймер (нем.).

Учебник № 1. «Всемирная география»

«...РейхСоюз, или Третья Великогерманская Империя. Основан в 2004 году после окончания Двдцатилетней Войны. Фактически – конфедерация рейхскомиссариатов. Состоит из Остланда (Балтика и Белоруссия), Москау (европейские территории Руссланда), Дойчланда (Австрия, Германия, генерал-губернаторство Польша), Кавказа (Азербайджан, Грузия, Кубань, зондеркомиссариаты Чечня и Дагестан), Туркестана (Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Киргизия), Украины (с городами Курск, Воронеж и Царицын), Норвегии и Нидерландов, а также Британии (не включая Республику Шотландию). РейхСоюзу принадлежат «особые территории» – озеро Байкал, полуостров Крым (заселённый немецкими колонистами) и анклав Санкт-Петербург. Союзные Третьему рейху страны – Словакия, Итальянская империя, Независимое Государство Хорватское, Финляндия (включая Карелию и Мурманск), Трансильвенгрия, Королевство Румыния (вместе с Одессой и Бессарабией), протекторат Южная Франция (со столицей в Виши), Испано-Португальская Федерация, Царство Болгария (совместно с Грецией). В 1951 году Турецкой Республике имени Ататюрка торжественно возвращены бывшие французские колонии Ливан и Сирия, подарена Армения. Багдадский халифат, воссозданный в 1964 году, включает Ирак и султанаты арабского Магриба, вкупе с Египтом и Марокко. Свободное государство Индия (или Азад Хинд), находится под совместной защитой РейхСоюза и Ниппонской империи. Корея, остров Формоза, Гавайи, остров Карафуто, полуостров Камчатка, города Владивосток и Хабаровск, Шанхай, Гонконг и Сингапур являются неотъемлемой частью Ниппон коку. Территория Руссланда до Урала формально – зона интересов японцев, но на деле (кроме Новосибирска,

Красноярска, Тюмени) контролируется бандами «лесных братьев». Дальневосточная Республика со столицей в Чите не имеет самостоятельности как японский протекторат. Государства-сателлиты Японии – Маньчжоу-Го, Китай, Таиланд, Эмират Индонезия, Вьетнамская империя, Бирма и Филиппины. Отдельное владение – континент Австралия, имеющий статус «курортной колонии Ниппон коку»: богатые японцы часто приезжают туда отдыхать на морских пляжах. Сами же австралийцы выселены на Аляску.

Руководители Соединённых Штатов Америки подписали капитуляцию 18 апреля 1956 года в Лос-Анджелесе – после того, как в город с боями ворвались части Второй дивизии СС «Руссланд». В 1958 году США подверглись разделению – на Калифорнийскую Республику (совместный протекторат РейхСоюза и Японии), колонии Нойе-Йорка, Бостона, Вашингтона и Флориды (назначается японский наместник), рейхскомиссариат Техас и «бесхозные земли Дальнего Запада» – бывшие штаты Алабама, Юта и Канзас, где нет власти, царит полная анархия. Аляска включена в состав Дальневосточной Республики – как автономия с японским князем *даймё*. Канада ликвидирована – Квебек передан Южной Франции, север – Японии, остальная часть отдана под переселение китайцев. Аргентина, Парагвай, Боливия, Чили образовали Германское землячество Латинской Америки. Ещё до вступления туда в 1983 году войск вермахта, столицы этих стран захватили отряды ландвера – вооружённых немецких колонистов. Африке был предоставлен статус самоуправления: все расово неполноценные народы депортированы на «чёрный континент» в рамках операции «Хрустальный поезд». На границах с Африкой выделена пятикилометровая «зона безопасности», в морских водах – двадцатикилометровая «антипиратская область». Только Абиссиния, завоёванная Италией в 1936-м году, имеет статус «заморской территории», – такой же получила и Ливия. В 1984 году в Южно-

Африканском Союзе произошел переворот: африканеры свергли пробританских политиканов и признали покровительство Великогермании. Ровно через полгода японские и германские войска соединились в Тюмени. Война за завоевание мира, длившаяся ровно 45 лет, с этого момента считается завершённой».

Учебник утверждён Министерством народного просвещения и пропаганды Москау.

Глава 6. Ангел

(пешеходная зона Вагнерка, д. 22/7)

Специзолятор *гехаймитатсполицай** расположился в самом конце Вагнерки – прохожие по старой памяти называли эту пешеходную улочку Арбатом. С виду – двухэтажный книжный магазин с вывеской «Бухенрай»: хотя, в руссландском варианте это название подошло бы скорее для винной лавки. В просторном и светлом зале сонные от безделья продавщицы помогали покупателям выбирать новые шедевры литературы рейха. В витрине пылились лидеры продаж – книжка-раскраска «Фюрер в детстве» и пособие Лени Рифеншталь «Как стать кинозвездой». Книги мало кто покупал – их предпочитали скачивать из сети Сёгунэ. «Майн Кампф» и так с 1944 года входила в школьную программу, а вся остальная литература строго проверялась на благонадёжность Министерством народного просвещения и пропаганды. Зачастую электронному отделу гестапо приходилось оперативно блокировать те разделы Сёгунэ, где размещали нелегальные переводы: Джека Лондона, например, Хэмингуэя, а также Зощенко – особую большевистскую крамолу, за чтение которой лепили двухмесячный арест. Впрочем, аресты не помогали – ссылки на скачивание и Зощенко, и Пушкина росли, как грибы. «Чтобы книгу читали, ее следует запретить, – подумал Павел, открывая стеклянную дверь «Бухенрай» с рисунком-печатью в виде

орла. – Лучшей раскрутки и не придумаешь». Продавец, девушка в форме с нашивками *бевербера*** , завидев его, дежурно улыбнулась.

– Герр покупатель, приветствуем в нашем магазине. Чем вам помочь?

---

* Государственная тайная полиция (*нем.*) – то есть полное название «гестапо».

** Претендент (*нем.*), в Третьем рейхе – обозначение для лиц, готовящихся вступить в ряды СС, нечто вроде современного стажёра.

Павел оглянулся по сторонам – впрочем, это было излишней предосторожностью. В «Бухенрай» почти не заходили посетители – цены в тысячу рейхсмарок за книжку отпугивали всех. Лишь в самой дали, у стенда с остросюжетными романами спиной к нему переминался с ноги на ногу сухощавый старичок, изучал томик Стефании Майер. Павел сразу вспомнил – этой писательнице сам гауляйтер Нойе-Йорка с помпой вручил железный крест, за серию шпионских романов «Абвер против НКВД».

Он склонился к девушке-беверберу – так, что почти коснулся её губ.

– Мой номер семь-восемь-девять-пять-два-два-один-шесть, – шепнул Павел.

Девушка, продолжая автоматически улыбаться (было ощущение, что улыбка *нарисована* на ее лице, как на магазинном манекене) выбила цифры на кассовом аппарате. Тот засветился огоньками. На экране появился номер, звание Павла в гестапо и уровень допуска. Тихо щёлкнув каблучками, она вложила в руку *покупателя* электронную карту.

– Возьмите, пожалуйста, ваши книги воооон там, – показала девушка на дверь в конце коридора. – Не забудьте на входе сообщить о скидке. Данке шён за покупку!

Дверь открылась и закрылась с помощью карты. В узкой комнатке был лифт с одной-единственной кнопкой на панели. Нажав её, Павел поехал вниз, – в подвале его ждали. Хмурый толстяк-фольксдойче*** с печатью вчерашнего похмелья на лице проверил удостоверение, поправил фуражку с эмблемой медицинской службы СС и куда-то позвонил. Солдат в чёрной форме повел Павла дальше – по бетонному коридору, тускло освещённому красными лампочками. В Москау (как и в других рейхскомиссариатах) давно закрыли учреждения для душевнобольных и уволили врачей. Если требовалось арестовать повредившегося в уме человека, его попросту отправляли в специзолятор. Как только надобность в больном отпадала, его депортировали в Африку. Комендант специзолятора скучал у себя в кабинете, под гербом рейха: свастика на дубовом венке была тщательно, в несколько слоёв, заштукатурена. Он кивнул Павлу, но не потрудился встать, лишь небрежно бросил на стол папку.

*** Этнические немцы, живущие за пределами Германии.

– Все бумаги и фото там. Хотите пообщаться? Даже не знаю, как у вас это выйдет. Двое учёных превратились в овощи – ни на что не реагируют, питание – и то им вводят внутривенно. Третий получше, но... ни с кем не говорит. Зато иногда начинает вопить по ночам, как резанный, – нам приходится литрами вкалывать бедняге успокоительное.

– Ничего, – усмехнулся Павел. – Со мной поговорит, не волнуйтесь. Я забираю досье. Скажите номер камеры и избавьте от провожатых. Это слишком особый разговор.

Он замолчал, пытливо вглядываясь в одну из фотографий.

– Надеюсь, вытрясете из парня всё, что вам нужно, – щелкнув мухобойкой, комендант ловко прихлопнул насекомое на столе. – Идите, битте шён, – во времени я не ограничиваю.

...Камера специзолятора соответствовала ожиданиям. Четыре на четыре метра, обита мягким белым войлоком: чтобы узник не разбил себе голову в припадке. Лампочка освещения и камера под потолком, транслирующая видео на пост охраны. Красный огонёк погас, едва Павел зашел к заключенному, – съёмка прервалась. Человек в комнате не обратил внимания на гостя. Небольшого росточка, въерошенный, волосы – рыжие. Славненько, рыжим не надо краситься, чтобы выглядеть арийцами. Шепчет что-то про себя, сидя на топчане, раскачивается взад-вперёд. Очень впечатляет. Ну-с, за работу...

– Здравствуй, – ласково сказал Павел, с треском раскладывая стул.

Он встал так, чтобы лампочка осветила его лицо.

Заключенный перевёл взгляд и... закашлялся. От спокойствия не осталось и следа. Он вскочил с топчана, вытянул руку, прижался к мягкой стене, затараторив, как дятел:

– Ты... ты... ты... как это может быть... ты же...

– Умер? – закончил его мысль Павел. – Согласен, такие неприятные вещи иногда случаются. Но, разmozжи меня молот Тора, разве это помешает нашей милой беседе?

На лбу рыжего выступили бусинки пота. Его била мелкая дрожь. Он слепо шарил вокруг себя руками, словно стена из войлока могла расступиться и забрать его внутрь.

– О, совсем чуть-чуть, – заверил Павел. – И обещаю – я сразу уйду. Ты же понимаешь, у тебя нет никакого выбора. Говори мне чистую правду... и тогда всё закончится быстро.

Рыжий кивнул – чётко, как робот. Павел сел на стул.

– Это было чудовищно, – лихорадочно прошептал рыжий.

– Тебе удалось туда заглянуть, – напомнил Павел. – Просто скажи: **ЧТО ТЫ ВИДЕЛ?**

– То, чего не может быть, – закашлялся безумец. – Мне казалось, я брежу. Но всё было наяву. Я прикоснулся к ЭТОМУ... ОНО... было так

реально. *Окно* туда теперь закрыто, правда? Нас заперли здесь, чтобы мы молчали... Но люди скоро узнают. Ты понимаешь, что грядёт? Мы растворимся, как тающий снег. ОНО приближается.

Узник говорил горячечно и сбивчиво. Павел сохранял спокойствие – кто-то решил бы, что ему очень скучен рассказ. Пару раз он даже вздохнул, посмотрел на часы – модные, из спецвыпуска швейцарской фирмы «Апфель» с портретом Хорста Весселя.

– Я усвоил. Ты смог понять, в чем причина?

Сумасшедший умолк Некоторое время беззвучно шевелил губами.

– Силуэт из огня. Вспышка. Один глаз у меня ослеп. Яркий свет. Это ангел.

Павел ничуть не удивился. О чем ещё может говорить безумец? Уж явно не о квантовой физике. Главное, чтобы не замолкал. Он кивнул, всем своим видом выразив интерес.

– Продолжай.

– Он прошёл рядом, стоило нам проникнуть на место СОБЫТИЯ. Мы вошли и увидели ЭТО. Невыносимая яркость. Жар. Мозги у Германа сварились, вытекли через нос, и... он исчез. Я отчетливо видел. ОНО поглотит нас. Мы разлетимся на осколки.

– Ты помнишь его лицо? Этого ангела? Сможешь нарисовать?

Узник вырвал из его рук блокнот. Размашистыми, резкими движениями набросал карандашом портрет – лицо, обрамлённое длинными волосами, нос с горбинкой, тонкие губы. «Отлично рисует, – отметил Павел. – Вот всегда так. Почему мы падем в конторе за горсть рейхсмарок, а не развиваем заложенный богами талант? Правда, какое сейчас искусство в Москвау... Рейх требует четкости и минимализма, мускулистых героев а-ля Шварценеггер, без лишних красок. Для икебаны и иероглифов надо ехать в Токио».

Сумасшедший оторвался от листка. Глаза слезились.

– Это было так реально, что я ощущал его дыхание... ОНО дышало пламенем.

Настроив *эфунк*, Павел сфотографировал рисунок с разных ракурсов. Отправив его на другой телефон, он задал ещё несколько вопросов, но не добился ничего нового. Сознание безумца вновь отправлялось по кругу: он видел всполохи пламени в воздухе, умирающих товарищей, огненного ангела. Потратив минут десять, Павел поднялся со стула. Он знал, в каком месте это случилось, но после рассказа не горел желанием увидеть тот кошмар своими глазами. Лучше разузнать, имеется ли какая-то защита от *раздражителя*. Незваных гостей тот, похоже, не жалуется.

Он полез в карманчик рубашки, достал таблетку.

– Прими. Тебе полегчает.

Безумец захохотал – стало ясно, что он всё понял.

– Чудесно... как долго я этого ждал... валькирии, ко мне... наконец-то!

Павел шел по коридору со стулом в руке, а стены изолятора сотрясались от хохота рыжего психа. *Эфунк* завибрировал. Павел открыл сообщение и прищёлкнул языком.

Срочно приезжай. Я знаю, кто это.

Хохот за его спиной резко оборвался.

...Японец у книжного стенда проводил уходящего Павла безразличным взглядом. Он вновь повернулся к стойке и погрузился в просмотр новинки от Стефании Майер.

Глава 7. Пицца «Бенито»

(последний этаж, телеканал «Викинг»)

Здание было воздвигнуто достаточно давно, в 1957 году, и на углах уже ободралась штукатурка. Въезд преграждался массивными бетонными блоками – за ними, в окружении мешков с песком, в пулемётных гнездах

засели немцы из зондеркоманды «Феникс». На заднем дворе слышался рык моторов бронемашин, на крыше несли дежурство снайперы – отряды партизан не раз атаковали Министерство народного просвещения и пропаганды. Двадцать этажей этого бетонного монстра вмещали государственное телевидение, радиостанции, с десятков редакций газет, сувенирный магазинчик и помпезный ресторан «Туле». Коридоры внутри здания переплетались, как клубок змей, заблудиться было довольно легко – только лифтов, ведущих в различные подразделения, построили восемь штук. ТВ заняло пять верхних этажей – самых престижных. Гости могли попасть в святая святых, предъявив охране в окошечко из пуленепробиваемого стекла аусвайс и пройдя через турникеты. Дальше их вели сотрудники телеканала «Викинг» – в качестве пропуска требовалось приложить ладонь к сканеру возле раздвижных дверей. Сразу на выходе из лифта, под потолком, висела «растяжка» с обширной цитатой из доктора Йозефа Геббельса:

МЫ ВСЕГДА ГОВОРИМ ПРАВДУ. НУ, ПОЧТИ ВСЕГДА.

Согласно постановлению рейхстага Москау, телевидение получало из казны 20 процентов бюджета – столько же, сколько и армия. Заслуженно: руководители Триумвирата не раз убеждались, что *тэвэ* выполняет свои функции куда успешнее ракет и танков. Редко когда в истории даже самой сильной армии удавалось подавить массовое восстание, а вот телеэкран позволял жёстче, нежели патрули на улицах, контролировать головы. Звания на ТВ начинались от шарфюрера; даже корреспондентам полагались генеральские зарплаты и бесплатный продуктовый паёк. Оборудование *тэвэшников* терзало страшной завистью сердца их коллег: отличные видеокамеры, скоростной Сёгунэ, дорогие автомобили. Среди мрамора в вестибюле «Викинга» сиял лысиной бронзовый бюст Ганса-Ульриха Руделя – первого космонавта Третьего рейха, в 1952 году водрузившего на Луне флаг империи. Всемирная слава, миллионы автографов и полуголые фанатки,

осаждавшие звезду даже в туалете, быстро сожрали карьеру Руделя: тот спился с рекордной скоростью – за полтора года. Космонавта сняли с полётов и перевели на «скучное хлебное место», руководить телевидением Берлина. Неожиданно Ганс-Ульрих с жаром отдался новой работе, и это стало приятным сюрпризом для руководства. Он вступил в общество трезвости «Адольф», сутками не спал, изобретая разговорные шоу, планировал телеигры, составлял сценарии популярных сериалов для домохозяек, вроде «Девушки моей мечты». Именно он превратил развлекательное ТВ в спрута, опутавшего мозг миллиардов арийцев. В 1965 году рейхстаг принял закон, согласно которому любой гражданин империи давал клятву смотреть телевизор не меньше трёх часов день – на каждом аппарате заводские рабочие начали устанавливать датчики включения. Многие законы с тех пор были отменены... но этот продолжал действовать.

... – Новости через десять минут! Ахтунг, ахтунг, просим всех приготовиться!

Сергей посмотрел на часы. Всё нормально, чуточку времени есть. Оттарабанить новости с дежурной улыбкой – это семечки, вот планёрка, что последует у *телефюрера* через полчаса, тут дело серьёзное. Выпуски обязательно идут в записи, это настоящий конвейер. У ведущих под рукой в выемке на столе заготовки фраз-клише: «временные сложности», «улучшение радиационного фона», «рост рейхсмарки по отношению к иене» и «успехи в экономике». Для атак *шварцкопфов* – отдельная фишка: «бессмысленная жестокость», «массовая гибель мирных жителей» и «у террористов нет будущего».

Оператор навел на него камеру с силуэтом Руделя.

«Нет, чтобы там не говорили, Ганс-Ульрих – гениальный мужик, – подумал Сергей, рефлекторно коснувшись галстука от Версаче. – Умнее Геббельса. Нацисты ночей не спали, придумали кучу разных вещей, чтобы замусорить народу башку пропагандой – и добились обратного, людей стало тошнить от политики. А спившийся космонавт изобрёл простейшую штуку:

если хочешь управлять разумом, надо просто его размягчить. Когда чел смотрит только юмор-шутки-развлекуху, он вообще не думает. У него нет предпочтений, одни рефлексy, ни дать ни взять собака Павлова. Включи ему под пиво программу «Прожектормарлендитрих», и можешь нажимать на любую кнопку».

Сергей не боялся признаться (по крайней мере, очень глубоко в мыслях) – он не любил Триумвират. Считал себя интеллектуалом, почитывал в Сёгунэ запрещённые книжки и даже осторожно одобрял *шварцкопфов* – разумеется, в анонимных комментах. Таких сотрудников, кстати говоря, на канале «Викинг» было подавляющее большинство. Сидя в узком кругу за бутылкой шнапса, журналисты матерно крыли засилье оккупантов в сферах политики и экономики. Однако, вернувшись на службу, с поэтическим упоением «мочили» партизан во время эфира. «Я ей-богу, прямо не знаю, – горестно признался как-то Сергею его коллега, штурмфюрер отдела политики Вася Колпаков. – Но вот уже рефлекс. Сажусь за стол, вижу камеру, и рот сам собой открывается... Что-то такое вот просто в крови. Фигу в кармане – и ту стараюсь показать, если на стене – портрет фюрера». Каждый телеработник в душе держал оправдание, почему он так поступает: схожий набор штампов, как и на время телеэфира. «Семье нужно что-то есть», «на мое место найдут других», и «при фрицах хоть стабильность».

Рядом прозвучал женский смех. Сергей вздрогнул.

Палец с накрашенным ногтем бесцеремонно щёлкнул его по носу.

– Серега, мой милый, ну и нос! На семерых рос, а тебе достался!

Сергей вымученно улыбнулся – гримёрша Маша исчезла за поворотом, успев призывно качнуть бёдрами. Вот сучка тамбовская. Вякнула такое в голос при всех, а кто-то наматывает себе на ус. И опять пойдёт по кругу – приедут спецы из расового отдела СС: «Как это ты словчил проскочить мимо нас с таким шнобелем?». Придётся опять предоставить родословную до седьмого колена, сдавать анализ крови, череп станут измерять. Да и новую взятку этим умникам надо сунуть, потому что вскрыется – прадед по

материнской линии был наполовину армянином. А неарийцем, простите, мало того, что жить негламурно, так без справки из расового отдела и на работу при всём желании не устроишься. Сергей знал многих людей, опустившихся на самое дно, обитающих в *арбайтенлагер* – общежитиях для иностранных слуг, в чьём присутствии нуждался рейхскомиссариат. Согласно уставу Москау, арийцам запрещалось заниматься чёрной работой, вроде очистки канализации, прокладки рельсов и торговли фруктами на деревенских рынках. По договору с Ниппон коку, для этих целей миллионами завозили китайских рабов – те обходились бесплатно, вкалывали сутками за еду. Точно такая судьба ждала и неарийцев.

Сергей зябко повёл плечами.

Нет уж. Лучше в бордель смотрителем. Что угодно, только не *арбайтенлагер*.

Он включил микрофон – на плазменном экране сменяли друг друга цифры. Раз, два, три...

– Дорогие телезрители, дамен унд геррен! В эфире – телеканал «Викинг». Начну с самых коротких новостей. Волна переименований захлестнула города империи. Жители Великого Новгорода ратуют за возврат своему мегаполису шведского названия – Хольмгورد. Это приурочено к постройке на главной площади храма Локки, скандинавского бога огня. Население Красноярска вчера составило петицию сюзерену, Японской империи, официально запросив называться Городом Ароматных Хризантем. Очередной ситё* Урадзиосутоку с большим успехом провел фестиваль суши для туристов из рейха: на рисовых колобках подавались кусочки хариуса, налима и омуля. Фюрер рейхскомиссариата Туркестан Абдулло фон Циммерблют после пятничной молитвы в мечети Ашхабада выступил с предельно жёстким заявлением, пообещав нанести авиаудары по фермам свиней в рейхскомиссариате Украина. Прусские колонисты Крыма отметили фейерверком начало курортного сезона и тоекратно повысили цены для отдыхающих. Насколько известно, так начинается каждый сезон, поэтому в

прошлом году в Крым не приехал ни один турист. Новый обер-комендант города Москау назвал автомобильные пробки национальным достоянием и отказался от борьбы с ними. В Голливуде под руководством японских продюсеров начались съемки пятьдесят седьмой части боевика «Годзилла». На этот раз огромный динозавр из моря разрушает деревню эскимосов в Гренландии, последнее из не затронутых им мест. Мы уходим на рекламу, а потом меня сменит на выпуске фроляйн Ирина Носова.

---

* Глава администрации (*японск.*).

...Ролик показал очень толстую и столь же счастливую домохозяйку – в платье с кружевами и вышивкой, похожую на уроженку Баварии, Руссланда и Украины одновременно.

– Когда я готовлю *вурстсалат*, – зашебетала она, – то всегда использую майонез «Ева Браун». Только он придаст моей еде вкус побед империи. Низкий уровень радиации, лучшие искусственные красители, безвредная антихолестериновая химия. Майонез «Ева Браун»: яйца такие вкусные, словно вермахт украл их у сельской старушки.

Следом включилась реклама сети пиццерий «Бенито». Особую популярность их повара завоевали пиццей «Фашизм» – из томатов, с моцареллой и тушёной морковкой, символизирующей нос Пиноккио. В Москау пицца успешно конкурировала с суши. Реклама не удивляла – дымящееся тесто, вкусно тянущийся сыр, доставка в течение двадцати минут. В финальном кадре появился актёр, загримированный под дуче Муссолини – с выпученными глазами и сжатым ртом.

– Пицца «Бенито»! – потряс он кулаком в камеру. – Вечная, как тысячелетний рейх!

Ирина с молодецким задором продолжила зачитывать новости. Она на ТВ всего-то пару месяцев, а новички обычно наизнанку выворачиваются. Сергей погрузился в мысли.

«Весёлый народец эти итальянцы, – подумал он. – Даже диктатура у них – сплошной цирк. У нас – вымученный пафос и понты. Зачем власть борется с Сопротивлением, когда ясно – «лесное братство» не победить? Признались бы честно: империи необходим враг, иначе это не империя, а торговка сардельками. Вспомним букет сороковых годов, душа радуется. Большевики, семитские плутократы, воротилы с Уолл-Стрит. Сознательно отказались от семитов, а ведь они – универсальное изобретение человечества. Большевики хуже, хотя тоже чудесная торговая марка. На них так удобно сваливать проблемы».

Новости кончились, он сгрёб со стола бумаги. Запустили прогноз погоды.

– Вы включили счетчики Гейгера? – радостно спросила ведущая – хрупкая, но высокая блондинка. – И напрасно: сегодня ожидается снижение уровня радиации в воздухе. Возможно, это из-за новых саркофагов, опущенных на ядерные реакторы в Воронеже и Костроме. Температура обычная для декабря – плюс тридцать. Наслаждайтесь солнцем!

«Глобальное потепление и утечки радиации сделали своё дело, – мрачно усмехнулся Сергей. – В Москау забыли снег, гуляем в шортах и футболках, а самый ходовой товар – кондиционеры. Селекционеры рейха обещают открыть и плантации с ананасами. Тогда мы официально станем тем, чем давно являемся, – обычной ананасовой республикой».

... Он встал из-за стола, когда услышал сзади шаги. К нему шли двое в серых костюмах, за ними спешил оберст отдела новостей – бледный, на ходу застёгивающий пиджак.

– Сергей Колычев? – спросил один из гостей, здоровенный верзила ростом под потолок.

Он кивнул, чувствуя, как леденеет внутри. Гестапо. Неужели они уже читают мысли?

– У нас к вам вопрос по поводу одной вашей коллеги.

Перед глазами Сергея оказался рисунок, сделанный простым карандашом...

Глава 8. Туммо

(центр массажа «Эбицу», переулок Тибетский, 7)

– А т-ты в-видел м-мужика у вх-хода? П-похож на т-тебя как две капли в-воды. П-прикольно, п-правда? Т-ты с него, что ли, внешн-ность с-себе срисов-вал?

– Ради Тора, – огрызнулся Павел, отставляя пиалу с чаем. – Тебе заняться больше нечем? Похож и похож. Каждый из нас имеет двойника. Или, возможно, двух. Я не знаю, кем были мои родители, и не помню, откуда взял эту внешность. Просто забыл. Но, поскольку она внесена в электронную базу СС... Ладно, Жан-Пьер, если не возражаешь, немного помолчи. Мне сейчас нужно расслабиться.

Оберштурмфюрер Карасик послушно умолк.

Подушечки пальчиков массажистки придавили вены на висках Павла. Плечи обняло горячее полотенце, ноздри обоняли аромат жасмина. Он слышал своё дыхание – спокойное, ровное. Сеть массажных салонов «Эбицу» – лучшая в Москау, хоть и работают тут отнюдь не японки. Китайки либо калмычки, старательно изображающие дочерей Страны Восходящего Солнца. Касания девушки стали лёгкими, практически невесомыми. Беззвучно шевеля губами, Павел начал читать мантру – любимую, заученную в спецлагере, во время долгой стажировки в монастыре Ташилумпо. Веки смежились сами собой. Он слышал далекие отголоски

журчания воды ручья и сладкое пение птиц. С каждой секундой звуки становились явственнее. Чётче. Разборчивей.

...Павел огляделся – он *плыл* по тропе среди джунглей, среди бордовых пальм, опутанных зелёными лианами. В алом небе порхали попугаи. Из гейзеров, шипя, струйками вырывался пар, стелился под ноги. «Удивительно, насколько у меня кислотное подсознание, – отметил Павел. – Наверное, это у всех, кто в реальной жизни излишне мрачен». Он всегда погружался в глубокую медитацию, когда требовалось поразмыслить. Мысли уносились в загадочный мир – и растворялись в буйстве красок, среди оранжевых птиц и красной травы. Иногда он даже думал, может, именно так выглядит рай? *Туммо*, или, в переводе с тибетского, «система внутреннего огня», – совершенно особый вид медитации. Она и верно сжигает мозг изнутри, раскаляя, как уголь, и пользоваться ей часто – не рекомендуется. Разве что в очень важных случаях.

А сейчас – именно такой случай.

Он поднялся по ступеням, увитым орхидеями, на высокий холм. Гостя ожидал резной трон из слоновой кости, окруженный четырьмя красными барабанами. Поочередно ударив в каждый барабан, Павел раскачивался, *впитывая* исходящий гул. Как только последнее эхо умолкло, он занял трон. Босые ноги сейчас же оплели лианы, а небо над головой разверзлось, сверкая молниями. Он смотрел перед собой во все глаза. Сейчас. Да.

Он увидел лицо, нарисованное карандашом. Тонкий нос. Длинные волосы. Чёрные зрачки. Ольга Селина. Телеведущая канала «Викинг». Погибла два месяца назад. Кто мог подумать: гламурная девица, с двумя высшими образованиями, телезвезда со своим фан-клубом, и вдруг – партизанка, командир одной из ячеек *шварцкопфов*? Её боевая группа напала на кортеж обер-коменданта Москау фон Травинского, устроив засаду на Арийской улице. Самый громкий теракт года. Боевики с гранатомётами зажгли машины кортежа спереди и сзади, снайперы открыли огонь с крыш кауф-хофа «Мюнхен». Обер-комендант был убит первым, также погибли

пятнадцать человек охраны и все восемь нападавших: по ним нанесли удар вертолеты «Фогель». Тела четырёх партизан не нашли, их просто разнесло в клочья. Оpoznанием (по анализу ДНК) занималась лаборатория гестапо.

Жан-Пьер рассказал: высшее начальство, вплоть до Триумvirата, пришло в ужас, едва выяснилось: одна из звёзд «Викинга» – участница нападения. Уличные видеокамеры зафиксировали момент атаки – Ольга, затянута в чёрную кожу, со «шмайссером» на плече, отдаёт команды боевикам. В прессе, об этом, естественно, не объявили. Для богемы, замешанной в связях с партизанами, имелось особое наказание – **забвение**. Актёры, телеведущие, певцы, неосторожно похвалившие в Сёгунэ «лесное братство», пожизненно исключались из упоминаний ТВ, радио и газет. Настоящая смерть. Никаких интервью, участия в разговорных шоу, вообще – ни слова. Уже через неделю после **забвения** любая звезда соглашалась сняться в низкопробном порнофильме, лишь бы привлечь внимание прессы. Но это не помогало. Наказание стирало всех, и не было храбрецов, способных ему противостоять. Как правило, актер или певец, обречённый на **забвение**, через три месяца совершал самоубийство. Конечно, попадались и особо стойкие, но больше полугода не выдерживал никто. Посему, пропажу Селиной восприняли нормально: как телезрители, так и коллеги по работе. Видать, провинилась. Допрос Колычева, напарника Селиной по новостям, ничего не дал. Он единственный, с кем Ольга водила дружбу и посещала клубы, а так... ни родственников, ни друзей. Проверили телефон Колычева – нет, ни одного звонка от неё после теракта.

Лианы оплели всё тело Павла. Сомкнулись над головой.

Кое-где стебли растений треснули, наружу просунулись ядовито-красные лепестки. Мёртвую телезвезду не нашли. И она, и трое других партизан оказались в эпицентре взрыва ракет. Обломки костей, обрывки тканей, кровь – вот и всё, что удалось получить для анализа ДНК. Однако эксперимент, закончившийся помешательством учёных гестапо, проводили

недавно, и, по крайней мере, один из повредившихся в уме видел Ольгу. Как пылающего ангела, и сей факт стоил бедолаге рассудка.

Это может означать, как минимум, две вещи. Первая – потусторонний мир реально существует. Оттуда покойная Ольга с крыльями и явилась гестаповцам посреди огня. Вторая - она и есть тот самый *раздражитель*, разыскиваемый Павлом по приказу Триумvirата. Ольга Селина и пылающий ангел – одно лицо. Он почти уверен.

Вот только как её найти – если она мертва?

Небо рассыпалось на извивающихся змей. Гейзеры ударили фонтанами крови. Воздух сгустился. Павел не видел, но ощущал: вокруг, рыча, бьют хвостами пантеры. ОНА НЕ УМЕРЛА. Он чувствует, как колотится её сердце. Ведь труп не обнаружен, Селиной выгодно, чтобы её считали мёртвой. Ногти, кусочки кожи, окровавленные тряпки, послужившие источником ДНК, – вовсе не свидетельство смерти. Как же Ольге удалось уйти из центра города, оцепленного спецназом СС? Записи видеокамер изучены, там мало что видно, Арийскую заволокло дымом и пылью щебёнки. Спецназ прочесал переулки в радиусе трёх километров – никого. Ни мёртвых, ни раненых.

Он сильнее смежил веки – из глаз каплями засочилась кровь. Джунгли ожили, каждый лист разразился воем, смерч закручивал воду в огромный брызжущий вихрь. В голове четко отпечатывалось лентой пишущей машинки, заглавными готическими буквами:

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

КАУФ-ХОФ «МЮНХЕН».

ОБЕР-КОМЕНДАТУРА.

РЕЗИДЕНЦИЯ БУРГОМИСТРА.

Вроде бы всё. Причём «Мюнхен» не работал, месяц назад его закрыли на ремонт. Что там ещё? Ах, ну да. Храм Одина. Строеие в псевдоскандинавском стиле – копия пещеры, святилища викингов в Исландии. Так-так-так. Согласно отчёту, что передал Жан-Пьер,

зондеркоманда СС «Калинушка» сразу после атаки обыскала все соседние здания. Прилагалась и бумага с перечнем этих зданий. По номерам, в гестапо ведь бюрократы.

Лишь один домик они не учли – храм Одина. Правильно. Никто не пойдёт с обыском в святилище, это идиотизм. Жрецы культа Асгарда – опора существующего режима, ничуть не хуже телевидения. Огромные зарплаты, квартиры, награды, звания в СС.

ЗНАЧИТ, ХРАМ НЕ ПРОВЕРЯЛСЯ.

А между тем, от места атаки его отделяют пара десятков метров. И под покровом дымовой завесы КТО-ТО запросто мог вытащить раненую девушку и спрятать в одном из помещений. Прихожане увидят кровавый след? Не проблема. В храмах викингов часто приносят жертву, режут на алтарях крупных животных, овец и коз. Допустим даже, спецназ заглянул в чертоги богов. И что? «Всё в порядке, герр жрец?» - «Да, сыны Одина, всё отлично». Надо ехать туда. Срочно. Понять – **была ли она там.**

Вой в ушах прервался. Оранжевые птицы лопнули, как воздушные шарики. Пальмы съёжились, распадаясь на комочки манной каши. Трон медленно растаял в воздухе.

Павел открыл глаза.

Он рывком поднялся, отстранив девушку-массажистку. Полотенце сползло на пол.

– Собирайся, – затряс он уснувшего Жан-Пьера. – Едем в центр, на Арийскую.

Они выходили в дверь, когда Павел увидел японца. Он узнал его – «шарпей» из самолёта. Старик стоял неподалёку, рядом с охранником. Тем самым, что был похож на него.

Голову пронзила молния догадки. «Он здесь не просто так. Он пришёл за мной».

Остановившись, Павел выхватил из кармана «браунинг», но выстрелить не успел.

... Воздух разорвало грохотом. Жёлтое пламя ударило ему прямо в лицо.

Архив рейхскомиссариата № 1

«Досье ZL8 – Политики»

«...20 октября 1941 года войска вермахта вошли в Москау и после двух месяцев уличных боёв овладели столицей Руссланда, включая Кремель. Поиски Иосифа Сталина оказались тщетными. Согласно докладу Управления имперской безопасности, именно он стоял за терактом «Возмездие-42», уничтожившего на площади Нибелунгов руководство рейха. По информации абвера, позже Сталин скрывался в подземном бункере в Куйбышеве (ныне Фюрербург), откуда руководил сопротивлением партизан. После взятия Фюрербурга он исчез окончательно. Отряды боевиков, действующие на Урале и в Сибири, до сих пор признают Сталина своим духовным лидером. Даниил, патриарх Лесной Церкви (секты, объединившей служителей православия, что не признали переход Руссланда под топоры богов Асгарда), усиленно поддерживает легенду: став отшельником, Сталин живёт в ските, в глухой чаще сибирской тайги, и молится за победу. На жаргоне боевиков Сталина зовут просто «старец», для «лесных» он нечто вроде святой иконы. Клим Ворошилов бежал в Иран, укрывался в курдских районах, как «гость Масуда Барзани». В 1948 году он был схвачен в ходе спецоперации десантом парашютистов СС, при аресте подорвал себя гранатой. Калинин публично покаялся и перешел на службу в рейхскомиссариат Москау, документально доказав свое арийское происхождение. Позже он работал в Министерстве финансов, под руководством Вальтера Функа. Генералы Жуков и Рокоссовский, отступив из Москау, сформировали «лесные бригады» рядом с Мурманском: секретные подземные заводы производили всё нужное, включая орудия и танки. После их смерти фронт распался на отдельные

партизанские отряды. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль был взят в плен во время штурма Лондона, заключен в Тауэр – в ту же камеру, где сидел Рудольф Гесс. В 1949 году Черчилль покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе вены. Король Британии Георг VI успел на подводной лодке бежать в Канаду, дальнейшие следы монарха теряются. Генерал Шарль де Голль возглавил сопротивление французов в Африке и погиб в 1955 году в джунглях Мадагаскара, попав под авиаудар люфтваффе. Император Ниппона Хирохито всё время своего царствования не покидал страну, следуя традициям: он даже отказался посетить японское ядерное испытание – в 1948 году, на одном из островов Индонезии. Хирохито отверг идею предоставить гражданство жителям оккупированных территорий. Поэтому австралийцам и аляскинцам, в отличие от японцев, имеющих белый паспорт, выдается желтый *рёкен*. Браки между японцами и европейцами официально запрещены. Аналогичный закон «о расовой чистоте» действует с 1935 года и в РейхСоюзе. Сейчас Ниппон коку возглавляет Акихито, он равнодушен к политике и свободные часы тратит на сочинение хокку. Согласно приговору Нойе-Йоркского трибунала под председательством Роланда Фрейслера, 11 декабря 1958 года президент США Гарри Трумэн и главком американской армии Дуайт Эйзенхауэр были публично повешены на Цайт Плац. Демократическая и Республиканская партии подверглись запрету как «отвратительные образчики политики плутократов». Прах экс-президента Рузвельта извлечён из могилы и под барабанный бой торжественно сброшен в реку Гудзон. Десятки тысяч американцев погибли при погромах («вашингтонская резня»), устроенных японцами, выпущенными из лагерей*: армия микадо не чинила препятствий беспорядкам, объявив их «справедливой мстью». Мстители сожгли здания Белого дома и Капитолия, многие конгрессмены задохнулись в дыму.

---

* После нападения Японии на США (7 декабря 1941 г.) 110 тысяч японцев, живущих в Соединённых Штатах, по приказу президента Рузвельта от 19-го февраля 1942 г. были отправлены в «военные центры перемещения».

Китайские коммунисты десятки лет продолжают партизанскую войну с Японией в большинстве провинций Поднебесной. Их лидер Мао Цзэ-дун поставил себе цель – оставить как можно больше наследников, назвав свою идею «гидра с миллиардом голов». К 1982 году, когда «командир Мао» скончался от рака в дождевых лесах провинции Юннань, сто молодых партизанок родили ему триста детей обоего пола. Эту же систему взяли на вооружение другие полевые командиры, и теперь у китайских коммунистов нет проблем с кадрами. В 1980-ом году в Москвау был арестован заместитель Сталина, Хрущёв. Все это время он скрывался на своей квартире, и никому не пришло в голову там его искать».

Разрешено в общий доступ, зам. рейхскомиссара Пауль фон Брейвиц

Глава 9. Урадзиосутоку

(улица Восторга Микадо, кафе «Нагасаки»)

У меня стучит кровь в висках. Еще хуже, чем после обморока в храме. Сумбурное состояние. Вроде как мне отрезали голову, а я ощущаю остальное тело... Так человек, которому ампутировали ноги, чувствует их. Да-да, фантомная боль. Кажется, отслоилось всё – кожа, кости, ногти. А что, вполне возможно. Пройти через ЭТО без проблем, не потеряв ни единой частицы своего тела, – из области сказок. Я словно вижу себя со стороны. Надо же, я не в облачении жреца. Чёрный костюм, котелок, ботинки – обычная одежда

жителя Урадзиосутоку на время рабочего дня. Зонтик из бумаги бережёт лицо от лучей палящего солнца. Официантка в одежде гейши цокает гэта, сгибается в поклоне.

– Ирасяй... что-нибудь ещё желаете заказать, благословенный сюдзин*?

---

* Господин (*японск.*).

– Данке шён, – слабо машу я ей рукой. – Просто... вот это...

– Якитори сейчас будут, – угодливо кивает она. – В лучшем виде, с соевым соусом. Сакэ нагреваем на медленном огне, стараемся. Гомэн кудасай, хочу предложить одну вещь...

Она согнулась к моему уху, обдав свежим ароматом утренних хризантем.

– Самогонка имеется, своя, – вкрадчиво шепчет гейша. – Чистейшая, как слеза.

– Неси, – точно таким же тоном соглашаюсь я. – Капуста квашеная есть?

– Сделаем, миленький... под фунчозу замаскируем, нехристи не разнюхают.

Разрумившись, официантка исчезает на кухне, под вывеской с иероглифами.

Ну, надо же... Урадзиосутоку захвачен японцами 10 сентября 1941-го, после официального вступления Ниппона в войну. Прошло семьдесят лет, и от того мегаполиса, частично кайзеровского и частично большевистского, практически ничего не осталось. Первым делом японцы восстановили тут Республику Приамурье**, даже вызвали из эмиграции прежних белогвардейских правителей – купцов Меркуловых. Однако, уже через год решили: такой лакомый кусочек должен быть в составе Ниппон коку. Теперь Урадзиосутоку – это чисто японский город, поделённый на строгие квадраты,

как на острове Карафуто, и сплошь застроенный типовыми серыми и белыми зданиями – с загнутыми краями крыш, чтобы могли селиться ласточки. Улицы тонут в цветущих ветвях сакуры – пластиковой, конечно, ибо дикая вишня не сдурела, чтобы цвести в это время года. Светятся иероглифы на лавочках японцев, разложивших сушить щупальца кальмаров. Слышны визгливые крики торгашей, расхваливающих товар на рыбном рынке у пристани. С омерзением рассматриваю васаби на тарелочке. Где же мой самогон?!

** Государство, существовавшее с 26 мая 1921 г. по 25 октября 1922 г. на Дальнем Востоке. Признано США и Японией. После вступления во Владивосток большевистских отрядов прекратило существование.

Сакура цветёт повсюду

Голову хрень поглотила

Хочется выпить бухла.

Строчки в голове сами собой сложились в трёхстишие, *хокку*. Кафе «Нагасаки» – уютные беседки в стиле буддийского храма, на высоком холме. Отсюда отлично видна бухта, где плавают чудо-кораблики с красными бумажными парусами, кажется, в Китае их называют «джонки». Я смутно помню: недавно мы шли вверх по улице Спокойного Дракона. С крыш свисали разноцветные фонарики с иероглифами, а улыбчивые продавцы в кимоно, высовываясь навстречу из лавочек, кланялись и кричали: «Окаэри насай! ***». Город поглощён японской культурой, но не полностью. Лютеранскую кирху, костёл Богородицы и арку Цесаревича власти оставили, как экзотику – рядом обожают фотографироваться туристы из префектуры Хоккайдо. В переводе с японского Урадзиосутоку – «соляная бухта», но руссландцы зовут город по-старому, Владивосёки. Ближе к гавани Утренней

Свежести (в честь соседней провинции Корея) возведена арка богини солнца Аматэрасу. К ней после церемоний в синтоистских храмах спешат поклониться молодожёны, испить чаю в тени истинной мудрости. Стоит проехать на машине десять минут, и перед вами – бело-голубой особняк консульства империи Манчжоу-Го, в здании бывшей городской Думы, окруженный многоцветьем китайских ресторанчиков. Не так давно (я слышал в новостях «Викинга») в городе объявили траур, гейши отказались принимать гостей в знак скорби – прежний ситё свершил обряд сеппуку, оставив записку на шёлке: «Мой император. Я взрезаю себе живот, не в силах больше править этой землёй, где люди занюхивают сакэ рукавом кимоно. Прошу прощения, что опечалил ваше сердце – увы, больше мне не выдержать». Да, уроженцам Ниппона тут тяжело. Они выбились из сил, пытаюсь японизировать Дальний Восток, но бесполезно. Всё по-прежнему. Сигэмицу Сидоров бьет морду Дзиммэю Гончаренко по причине того, что жена Сигэмицу – достойная хозяйка чайных церемоний Кумико Сергеевна - надела чересчур откровенное кимоно, а Дзиммэй тайком запустил длань под волнующий шёлк. И никаких поклонов, никаких извинений, никаких стихов, внятно описывающих сожаления, терзающие чёрное сердце негодяя Дзиммэя.

*** Добро пожаловать! (*японск.*).

Восходящее солнце зашло

А самураи втроём

Хлещут сакэ из ведра.

Это хокку ситё написал собственной кровью, полоснув себя катаной поперёк живота. Германизация европейской части России оказалась успешней, каждому приятно считаться «белокурой бестией», чьи предки-

арии пришли из окрестностей горы Кайлас со свастикой на склоне. А не «косоглазой япошкой – обезьяной с пальмы». Да, в самом Москау культура Ниппон коку популярна сугубо потому, что экзотический Токио далеко, а здешние люди на дух не переносят «азиатчины». Сколь полиция не запрещала подпольные сообщества, где пьют чай из самоваров, они лишь множатся и множатся.

– Ваше сакэ, достопочтимый сюдзин. Заклинаю Амаэтэрасу, обратите внимание.

Официантка, кланяясь в пояс, подает мне на подносе фарфоровый кувшинчик.

Я киваю. Трясущейся рукой наливаю жидкость в чашечку. Выпиваю залпом.

Мать вашу в Нибелунгов. Горит, как огонь в глазах Локки. До чего ж хорошо.

Капуста упруго хрустит на зубах. Жизнь возвращается. Ну-ка, по второй. Кажется, здесь начинаешь даже думать в стиле хокку. Зачем нужен аспирин, если есть самогончик?

Ольга появляется передо мной внезапно. Сначала я принимаю её за официантку – она тоже закутана кимоно, чёрное, расшитое жёлтыми драконами. Девушка усмехается.

– Я гляжу, арийский лак слез с вас быстро. На водку перешли? А где шнапс?

Я ничуть не смущён. После того, ЧТО случилось, я выпью и стеклоочиститель.

– Шнапс в переводе с немецкого – тот же самогон. – Я вновь тянусь за капустой. – Просто, может быть, более деликатный. – Присаживайтесь. Вы достали то, что я просил?

Она кивает. Извлекает чемоданчик из-под стола, внутри – портативный компьютер-«бух». «Сони», конечно. Тот самый, которым пользуются только истинные арийцы. Беленький, очень симпатичный. Лизнув палец, я касаюсь

кнопки: система автоматически распознаёт мою ДНК. Начинается загрузка. Светится экран – система «Сакура», как обычно, думает долго, с подвисаниями. Слышна чарующая музыка колокольчиков.

– Взяла в аренду, – отвечает Ольга на немой вопрос. – Пятьсот иен, заплатила картой.

Я стучу по клавишам. Захожу в раздел Сёгунэ, где у меня особый кабинет с управлением видеокамерами. Я могу смотреть запись из любой точки в мире. Три камеры установлены в храме Одина, две в моей квартире. Пароль – asgard: не очень изобретательно, согласен. Ставлю режим «реального времени», поворачиваю камеру.

... В храм Одина набилось столько народу, яблоку упасть негде. Многие в пятнистом камуфляже и чёрной форме – спецназ СС. Есть люди и в штатском. Они оглядываются вокруг. Ходят. Рассматривают. Камера транслирует картинку с «зерном», но на лицах заметна печать удивления. Ещё бы. Я сам так удивлялся, придя в себя после обморока. Алтарь с жертвенником *плавает* в воздухе как привидение, проекция фильма ужасов. Он полупрозрачен, просматривается насквозь. Стены грота колеблются, как морская волна, их пронизывает зыбью. Один из военных приближается к изваянию Рюбецаля, духа-повелителя гномов. Да-да, это мой любимец, скорчившийся старичок с белой бородой, работа хорошего скульптора – вырублен из пещерного гранита. О, сейчас будет сюрприз. Эсэсовец дотрагивается, и... наверное, кричит от ужаса. Его рука полностью **погружается внутрь** Рюбецаля. Фигура кажется монолитной, но на деле она словно из жидкости. Не камень, а вязкая субстанция, наподобие киселя. Он не знает, что в этом ряду имелось пять каменных божеств, а не одно. Остальные пропали, стоило мне упасть в обморок. Да и не только они. Куда-то делся и жертвенный козёл...

Отрядом военных командует человек в серой рубашке и серых же брюках. Отдает приказы. Они вытягиваются перед ним, он большой начальник. Его лицо мне незнакомо. На всякий случай, подвожу камеру

ближе. Он поворачивается. Я делаю снимок – один, второй. Изображение вдруг вспыхивает и резко гаснет. В чём дело?

– Он выстрелил в камеру, – спокойно поясняет Ольга. – С минуты на минуту эти люди будут в вашей квартире. Вот почему мы здесь. Меня прорезало предчувствие, что моё убежище скоро обнаружат, за мной придут... в ближайшее время. Я не ошиблась.

Со щелчком закрываю крышку «буха». Наполняю фарфор самогоном.

– Зер гут, – я вдыхаю первозданный аромат деревенского первача. – Восстановим события по крупицам. Хотя, собственно, там нечего и восстанавливать. Я вернулся домой. Вы были прикованы наручниками к постели. Я подошёл к вам, чтобы их отстегнуть...

Я обвожу взглядом залив: над океаном кричат чайки. Официантка вежливо кланяется очередному посетителю. Выдохнув, залпом выпиваю. Хватаю палочками капусту.

...– и мы оказались здесь. За десять тысяч километров от Москва. Что произошло?

Она тихо смеётся. Поправляет чёрные волосы. Она чертовски хороша в этот момент.

– Я не в курсе, как это случается. Наверное, в моменты **особой опасности**. Я такие вещи не контролирую. Именно так я *переместилась* после ранения в храм Одина, где вы меня и нашли. Помните, вы думали, что тело принесли партизаны... хотя двери были заперты. Вы положили меня на перевязку, там под статуей Рюбецаля. Энергия внутри моей головы срабатывает, как *телехафен**... Но я сама не знаю, когда это произойдёт...

---

* Телепорт (нем.).

– Почему же вы не исчезли раньше?.. Ведь наручники вас бы не удержали.

Она щёлкает зажигалкой. Да, в Ниппон коку не арестуют за курение в кафе.

– Наверное, потому что в вашем случае мне ничего не грозило...

ГРОХОТ. СТРАШНЫЙ ВОЙ. КРИКИ.

Улица Восторга Микадо на моих глазах, как в замедленной съёмке, проваливается сквозь землю. В центре пешеходной зоны появляется круглая воронка. В бездну сползают кукольно-красивые домики с красными фонариками, рушится, заваливаясь набок вместе с колокольней, кирха святого Павла, сотнями сыплются вниз фигурки людей. Воронка расширяется – словно огромный, улыбающийся безгубый рот. Я слышу дикие вопли умирающих. Дома *проникают* сквозь асфальт, ставший зыбким, как подсолнечное масло. На моих глазах погибает этот город, и я ничего не могу сделать. Люди кричат от ужаса. Тела становятся прозрачными, словно из тонкого стекла. Я вижу их сердце, печень, мозг, как бежит по венам кровь. Целые толпы людей-стекляшек. Трещины паутиной расползаются по Урадзиосутоку. Деревья ломаются, как спички. Океан шипит, захлебываясь мёртвой рыбой, корчась в конвульсиях. Я судорожно хватаю нож со стола.

Втыкаю в правую ладонь. Ту, что уже покрыта шрамами.

На тарелку брызжет кровь, смешиваясь с соевым соусом. Я смотрю девушке в лицо и вижу череп. Оскаленный в страшной улыбке череп, с упоением затягивающийся сигаретой.

– Что вы такое... – из последних сил хриплю я. – Что, чёрт возьми, вы такое?...

Она переводит на меня взгляд. Зрачков нет – они заполнены тёмной бездной.

– Удивительный вопрос, – выдыхает она дым. – Неужели вы ещё не догадались?